

ШЕКСПИР

- [Уильям Шекспир](#)
 - [Действующие лица](#)
 - [АКТ I](#)
 - [АКТ II](#)
 - [АКТ III](#)
 - [АКТ IV](#)
 - [АКТ V](#)
 - [«КОРИОЛАН»](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
-

Уильям Шекспир
Кориолан

Действующие лица

Кай Марций, затем Кай Марций Кориолан.

Тит Ларций, Коминий — полководцы римлян в борьбе против вольсков.

Менений Агриппа, друг Кориолана.

Сициний Велут, Юний Брут — народные трибуны.

Маленький Марций, сын Кориолана.

Тулл Авфидий, полководец вольсков.

Военачальник вольсков, подчиненный Авфидию.

Заговорщики, единомышленники Авфидия.

Никанор, римлянин.

Горожанин из Анциума.

Два вольских часовых.

Глашатай.

Волумния, мать Кориолана.

Виргилия, жена Кориолана.

Валерия, подруга Виргилии.

Прислужница Виргилии.

Римские и вольские сенаторы, патриции, эдилы, ликторы, воины, горожане, гонцы, слуги Авфидия и другие слуги.

1

Место действия — Рим и его окрестности; Кориолы и их окрестности; Анциум.

АКТ I

СЦЕНА 1

Рим. Улица.

*Входит **толпа** восставших горожан с кольями, дубинами и другим оружием.*

Первый горожанин

Послушайте меня, прежде чем пойдем дальше.

Все

Говори, говори.

Первый горожанин

Готовы ли вы скорее умереть, чем голодать?

Все

Готовы, готовы.

Первый горожанин

А знаете ли вы, что злейший враг народа — Кай Марций?

Все

Знаем, знаем.

Первый горожанин

Так убьем его, а уж тогда сами цену на хлеб установим. Таков ли наш

приговор?

Все

Да что там толковать — убьем его, и все. Идем, идем!

Второй горожанин

Одно слово, достойные сограждане...

Первый горожанин

Достойными нас никто не считает: ведь все достояние — у патрициев. Мы бы прокормились даже тем, что им уже в глотку не лезет. Отдай они нам обеды со своего стола, пока те еще не протухли, мы и то сказали бы, что нам помогли по-человечески. Так нет — они полагают, что мы и без того им слишком дорого стоим. Наша худоба, наш нищенский вид — это вывеска их благоденствия. Чем нам горше, тем им лучше. Отомстим-ка им нашими кольями, пока сами не высохли, как палки. Клянусь богами, это не месть во мне, а голод говорит!

Второй горожанин

И начать вы хотите с Кая Марция?

Первый горожанин

С него самого: он для народа хуже собаки.

Второй горожанин

Да разве вы забыли, какие у него заслуги перед отечеством?

Первый горожанин

Ничуть не забыли. Я бы даже хвалил его за них, если бы он сам себя спесью не вознаграждал.

Второй горожанин

Нет, погоди. Ты говори без злости.

Первый горожанин

А я тебе и говорю — все, чем он прославился, сделано им ради этой спеси. Пусть мягкосердечные простаки думают, что он старался для отечества. На самом-то деле он поступал так в угоду матери; ну, отчасти и ради своей спеси, а ее у него не меньше, чем славы.

Второй горожанин

Ты вот считаешь пороком то, что он себя переделать не может. Но ведь ты же не скажешь, что он жаден?

Первый горожанин

А хотя бы и так. Зато у меня других обвинений хватит. Да у него столько пороков, что устанешь перечислять.

Крики за сценой.

Это что за шум? Видно, и по другую сторону Тибра восстание. Что же мы болтаем да время тратим? На Капитолий!

Все

Идем, идем.

Первый горожанин

Тише! Кто сюда идет?

Входит Менений Агриппа.

Второй горожанин

Достойнейший Менений Агриппа — тот самый, кто всегда любил народ.

Первый горожанин

Да, это человек честный. Вот если б и остальные были такими!

Менений

Эй, земляки, что с вами происходит?
Куда с дубьем бежите вы? Ответьте.

Первый горожанин

Что с нами происходит — сенату известно: там уж недели две назад могли смекнуть, что мы задумали, а сегодня воочию увидят. Там ведь любят говорить: от черни голой — дух тяжелый. Пусть теперь знают, что рука у нас тоже не из легких.

Менений

Друзья мои, почтенные соседи,
Неужто горя вы хлебнуть хотите?

Первый горожанин

Да мы и так уже им захлебнулись.

Менений

Друзья, поверьте мне, о вас пекутся
Патриции. Я знаю, дорог хлеб
И голод вас томит, но столь же глупо,
Как замахнуться палкою на небо,
Вам восставать на Рим, в ком хватит силы
Порвать железо тысячи удил
Покрепче пут, которыми вы мните
Его стреножить. Голод не сенатом
Ниспослан, а богами, и не руки,
А лишь колени вас спасут. Увы!
Влекомы вы бедой туда, где ждет

Вас горшая беда, а вы клянете
Как супостатов кормчих государства,
Отечески пекущихся о вас.

Первый горожанин

Пекущихся о нас? Как бы не так! Да им никогда до нас дела не было. У них амбары от хлеба ломаются, а они нас морят голодом да издают законы против ростовщичества на пользу ростовщикам. Что ни день, отменяют какой-нибудь хороший закон, который не по вкусу богачам; что ни день, выдумывают новые эдикты, чтобы поприжать и скрутить бедняков. Если нас не пожрет война, они сами это сделают; вот как они нас любят.

Менений

Или честно
Сознайтесь в том, что вы безмерно злобны,
Иль вы глупцы. Я расскажу вам басню,
Хоть вы ее, быть может, и слышали.
Но раз она уместна, я отважусь
Еще разок ее напомнить.

Первый горожанин

Отчего не послушать! Только не надейся, что твоя басня наше горе умаслит. Начинай, если тебя такая охота разобрала.

Менений

Однажды возмутились против чрева
Все части человеческого тела,
Виня живот за то, что, словно омут,
Всю пищу поглощает он, а время
Проводит в лени и безделье праздном,
Тогда как остальные члены ходят,
Глядят и слышат, чувствуют и мыслят,
Друг другу помогая и служа
Потребностям и устремленьям общим
Родного тела. Чрево ж отвечало...

Первый горожанин

Да говори же, что им чрево ответило.

Менений

Сейчас скажу. С язвительным смешком,
Возникшим не в груди, а ниже легких
(Взгляните — чревом я могу не только
Вещать, но и смеяться) отвечало
Оно мятежным членам, коих зависть
К его доходам мучила, как вас,
Порочащих сенаторов за то, что
Они вам не чета.

Первый горожанин

Но что ж ответить
Сумело чрево бдительному глазу.
Челу, венец носящему, и сердцу.
Советчику, и языку-горнисту,
Ноге-коню, руке-бойцу и прочим
Помощникам и слугам тела, если...

Менений

Что «если»? Перебил — так сам кончай.
Ну?

Первый горожанин

Если выгребная яма тела,
Живот-обжора грабит их...

Менений

Ну, дальше.

Первый горожанин

Что может он ответить на упреки
Всех членов остальных?

Менений

Скажу вам это,
Коль вы себя сумеете к терпенью,
Хоть коротко оно у вас, принудить.

Первый горожанин

Ты слишком долго тянешь!

Менений

Слушай, друг.
Живот неторопливый был разумней
Хулителей своих и так ответил:
«Вы правы в том, мои друзья-сочлены,
Что общий харч, которым вы живете,
Мне первому идет. Но так и надо,
Затем что телу призван я служить
И житницей и лавкой. Не забудьте,
Что соки я по рекам кровяным
Шлю к сердцу во дворец и к трону мозга,²
Что по извивам и проходам тела
Все — от крепчайших мышц до мелких жилок —
Лишь я питаю жизненной силой.
Но, добрые друзья мои, хоть всем вам...
(Первому горожанину.)
Заметь, не я, а чрево то сказало.

Первый горожанин

Так. Продолжай.

Менений

Хоть всем вам и не видно,
Чем каждый в одиночку мне обязан,
Я вправе заключить, что отдаю
Вам лучшую муку и оставляю
Лишь отруби себе.
(Первому горожанину.)
Ну, что ты скажешь?

Первый горожанин

Ответ неплох. Как ты его толкуешь?

Менений

Сенат — вот чрево мудрое, а вы —
Бунтующие члены. Стоит только
Вам честно оценить его заботы
И попечение о всеобщем благе,
Как вы поймете, что оно всегда
Лишь от него исходит и приходит,
А не от вас. — Что ты на это скажешь,
Ты, палец сборища большой?

Первый горожанин

Я — большой палец? Ты зачем меня большим пальцем называешь?

Менений

Затем, что ты, кто всех дрянней и ниже,
Возглавить хочешь этот бунт премудрый;
Затем, что первым ты к поживе рвешься,
Трусливый, слабосильный пес.
Ну что ж, готовьте колья и дубины.
На Рим напали крысы, и кому-то
Не сдобровать.

Входит Кай Марций.

Привет, достойный Марций!

Марций

Благодарю.

(Толпе.)

Мятежный сброд, зачем,
Чесотке умыслов своих поддавшись,
Себе вы струпья расчесали?

Первый горожанин

Вечно

Для нас ты сыщешь доброе словечко!

Марций

Кто скажет слово доброе тебе,
Тот мерзкий льстец.
(Толпе.)
Что нужно вам, дворнягам,
Ни миром, ни войною недовольным?
В вас страх война вселяет, наглость — мир.
Чуть в вас поверь, так вместо лис и львов
Найдешь гусей и зайцев. Вы надежны,
Как угли раскаленные на льду
Иль градины на солнце. Вы привыкли
Караемых злодеев обелять,
Черня закон карающий. Полны вы
Враждою к тем, кто дружбой славы взыскан.
Желанья ваши — прихоти больного:
Чего нельзя вам, вас на то и тянет.
Кто ищет в вас опоры, тот плывет,
Плавник свинцовый прицепив, иль рубит
Тростинкой дуб. Безумье — верить в вас,
Меняющих ежеминутно мненья,
Превозносящих тех, кто ненавистен
Был вам еще вчера, и поносящих

Любимцев прежних! Почему клянете
Вы благородный наш сенат повсюду?
Ведь не держи вас он да боги в страхе,
Друг друга вы сожрали б.
(Менению.)
Что им надо?

Менений

Дешевых цен на хлеб. Они считают,
Что в городе запасы есть.

Марций

Считают?
Мерзавцы! Мнят они, у печки сидя,
Что знают все, чем занят Капитолий:
Кто в гору там потел, кто процветает,
Кто пал, кто с кем в союз вступил, кто в брак.
Они лишь тех, кто им по нраву, любят,
А чуть кто им не люб — мешают с грязью.
Есть хлеб в запасе — так они считают?
Не будь сенат столь милосерд и волю
Дай моему мечу, я навалил бы
Из трупов этой черни гору выше
Копья, что я ношу.

Менений

Не трать слова. Горланы присмирели:
Ведь трусость в них еще сильнее, чем наглость.
Расходятся они. Но что, скажи мне,
С другой толпой?

Марций

Рассеялась она.
Сначала все — черт их возьми! — орали,
Что голодны, ссылались на присловья:

Мол, голод ломит каменные стены;
Мол, и собакам нужен корм; мол, пищу
Грешно гноить; мол, создан хлеб богами
Не для одних богатых — и потоки
Косноязычных жалоб изливали.
Когда же обещали им исполнить
Их требованье, дерзкое безмерно
(Оно всем знатным сердце разобьет
И власти острый взор притупит), — стали
Они кидать в восторге шапки, словно
На рог луны повесить их хотели.

Менений

Так что же им обещано?

Марций

Им дали,
Чтоб защищать их подлые затеи,
Пять ими избранных трибунов. Это
Сициний Велут, Юний Брут, а прочих
Я позабыл... Черт с ними! Черни было б
Сорвать с домов все крыши в Риме легче,
Чем вынудить меня к таким уступкам.
Теперь она, войдя с годами в силу,
Еще наглее станет.

Менений

Странно, странно.

Марций

(толпе)

Эй вы, охвостье, по домам!

Вбегает гонец.

Гонец

Где здесь Кай Марций?

Марций

Это я. В чем дело?

Гонец

Спешу я с вестью, что поднялись вольски.

Марций

Я рад: война очистит Рим от гнили...

Но вот отцы сенаторы идут.

Входят Коминий, Тит Ларций и другие сенаторы, Юний Брут и Сициний Велут.

Первый сенатор

Ты прав был, Марций, нас предупреждая:

Поднялись вольски.

Марций

Вождь их — Тулл Авфидий,

А с ним хлопот не оберетесь вы.

Завидую я доблести его

И только им, когда б я не был Марций,

Хотел бы стать.

Коминий

Да, вы в бою встречались.

Марций

Будь мир расколот на два вражьих стана

И очутись в одном из них мы с Туллом,
Я б поднял бунт, чтоб биться с ним. Он — лев.
Я горд охотой на него.

Первый сенатор

Тем лучше.
С Коминием командуй войском, Марций.

Коминий

Ты обещал помочь мне.

Марций

Я готов.
Привык держать я слово. Вновь увидишь
Ты с Туллом нас лицом к лицу, Тит Ларций.
Как! Ты ослаб? Ты остаешься дома?

Ларций

Нет, Марций, даже если костылями
Придется мне сражаться, не отстану
Я от других.

Менений

О доблестная кровь!

Первый сенатор

Идем на Капитолий — там, я знаю,
Друзья нас ждут.

Ларций

Ступай вперед, Коминий,
Мы ж — за тобою, ибо ты меж нами

По праву первый.

Коминий

Благородный Ларций!

Первый сенатор

(горожанам)

Эй, по домам!

Марций

Нет-нет, мы их прихватим:

Богаты вольски хлебом; к ним в амбары

Мы пустим крыс.

(Толпе.)

Почтенные смутьяны,

Раз вы так храбры, то прошу за нами!

Сенаторы, Коминий, Марций, Ларций и Менений уходят. Горожане потихоньку скрываются.

Сициний

Есть ли на свете человек надменней,

Чем Марций.

Брут

Нет.

Сициний

Когда народ трибунами избрал нас...

Брут

Ты взгляд его запомнил?

Сициний

Нет, лишь ругань.

Брут

Озлясь, богов он выбрать способен.

Сициний

И высмеять стыдливую луну.

Брут

Пусть на войне он сгинет. Стал он слишком
От храбрости надменен.

Сициний

Он из тех,
Кто собственную тень с презреньем топчет,
Когда успехом опьянен. Но странно,
Что он, гордец, согласен подчиняться
Коминию.

Брут

Верней и легче славу,
Которой алчет он, хоть ей обласкан,
Сберечь и приумножить, занимая
Второе место в войске. Ведь за промах
Всегда в ответе будет полководец.
Сверши он чудеса, и то завоюет
Хула-проныра: «Ах, когда бы делом
Наш Марций заправлял!»

Сициний

А при удаче

Лишь Марцием живущая молва
Коминия заслуг лишит.

Брут

Коминий
Уже с ним делит почести, хоть Марций
Того не заслужил, и в честь ему
Оплошности Коминия послужат,
Хотя б заслуг он не имел.

Сициний

Пойдем
Посмотрим, как идут приготовленья
И Марций, этот сумасброд опасный,
Сбирается в поход.

Брут

Идем, идем.

Уходят.

СЦЕНА 2

*Кориолы. Сенат.
Входят Тулл Авфидий и сенаторы.*

Первый сенатор

Итак, предполагаешь ты, Авфидий,
Что римлянам известны наши планы
И все, что мы ни делаем?

Авфидий

А ты?

Успели ль мы хоть раз решение наше
В деянье претворить, пока о нем
Рим не пронюхал? Дня тому четыре
Пришло ко мне послание оттуда.
Оно гласит... Но где ж письмо?.. Да вот:
(Читает.)

«Войска собрались, но никто не знает,
Пошлют их на восток или на запад.
Хлеб дорог, чернь бунтует, и, по слухам,
Коминий, Марций, враг твой давний (в Риме
Его сильнее, чем сам ты, ненавидят),
И римлянин отважнейший Тит Ларций
Поход готовят на кого-то,
Всего же вероятней — на тебя.
Будь начеку».

Первый сенатор

Что ж! Наше войско — в поле.
Не сомневались мы, что Рим отпор
Готов нам дать.

Авфидий

Сочли вы мудрым в тайне
Держать ваш план великий до того,
Как он созреет и наружу выйдет,
А Рим меж тем о нем уже проведал.
Наш замысел расстроен. Мы не сможем
Взять много городов без боя, римлян
Врасплох застав.

Второй сенатор

Авфидий благородный,
Спеши к войскам, прими их под начальство,
А нам доверь охрану Кориол.

Коль враг осадит город, на подмогу
Ты подоспеешь к нам, но полагаю,
Что не готовы римляне.

Авфидий

В противном
Уверен я. Уверен даже в большем:
Часть рати их уже идет сюда.
Отцы, прощайте. Если мне случится
Столкнуться с Каем Марцием, я буду —
Мы клятву дали в том — с ним драться насмерть.

Все

Да сохранят тебя в сраженьях боги!

Авфидий

И вас, отцы!

Первый сенатор

Прощай!

Второй сенатор

Прощай!

Все

Прощай!

Уходят.

СЦЕНА 3

Рим. Комната в доме Марция.

*Входят **Волумния** и **Виргилия**, садятся на два низких табурета и шьют.*

Волумния

Прошу тебя, дочь моя, спой что-нибудь или будь повеселее. Если бы Марций был моим мужем, я больше радовалась бы его отсутствию, когда он уходит добывать себе славу, чем самым пылким объятиям на супружеском ложе. Еще когда он был хрупким ребенком и единственным плодом моего чрева, когда его отроческая красота пленяла все взоры, еще тогда, когда ни одна мать ни на час не отпустит сына от себя, даже если ее об этом целыми днями будут просить цари, я уже понимала, что такой человек, как он, создан для чести, что, не одушеваясь стремлением стать знаменитым, он будет лишь картиной, украшающей стену; поэтому я охотно позволяла ему искать опасностей — и с ними славы. Я послала его на жестокую войну, и он вернулся с дубовым венком на голове. Поверь, дочь моя, я меньше ликовала, узнав, что родила мужчину, чем тогда, когда узнала, что он показал себя доблестным мужем.

Виргилия

А если бы он погиб на войне? Что тогда?

Волумния

Тогда сына заменила бы мне его добрая слава, и в ней я обрела бы потомство. Скажу тебе правду: будь у меня двенадцать сыновей и люби я каждого из них столь же горячо, как нашего славного Марция, я легче бы смирилась с доблестной смертью одиннадцати за отечество, чем с трусливой праздностью двенадцатого.

*Входит **прислужница**.*

Прислужница

Вас желает видеть благородная Валерия.

Виргилия

(Волумнии)

Позволь мне удалиться.

Волумния

Нет, оставайся здесь.

Мне кажется, я вижу, как твой муж
За волосы под грохот барабанов
Авфидия влачит и гонит вольсков,
Бегущих, словно дети от медведя,
И, топая ногой, кричит солдатам:
«Вперед, вы, трусы, что зачаты в страхе,
Хоть в Риме рождены!» — и кровь стирает
С чела рукой в броне, вперед шагая,
Как жнец, который не получит платы,
Не сняв весь хлеб.

Виргилия

Чело в крови? О боги!

Волумния

Безумица, умолкни! Кровь мужчины
Сверкает ярче золота трофеев.
Грудь Гекубы, Гектора вскормившей,
Прекрасней лоб его, чья кровь пятнала
Мечи данайцев.
(Прислужнице.)
Выйди и скажи,
Что мы принять Валерию готовы.

Прислужница уходит.

Виргилия

Спаси, о небо, мужа моего
От страшного Авфидия.

Волумния

Наш Марций
Его повалит и пятой раздавит.

*Входят **Валерия** с прислужницей и привратником.*

Валерия

Добрый день, мои благородные друзья.

Волумния

Милая Валерия!

Виргилия

Я рада видеть тебя.

Валерия

Здоровы ли вы? Вы заняты по дому? Что это вы шьете? Право, прелестная вышивка. (*Виргилии.*) А как твой сынок?

Виргилия

Благодарю тебя, он здоров.

Волумния

Его больше тянет глядеть на меч и слушать барабан, чем учиться.

Валерия

Значит, весь в отца. Клянусь честью, чудесный мальчик. Нет, правда, я в среду с полчаса наблюдала за ним; он такой решительный! Он гонялся за золотой бабочкой: поймает, потом отпустит, и снова за ней; поймает и опять отпустит. А один раз упал и рассердился, — то ли из-за этого, то ли из-за

чего другого, не знаю; но только стиснул зубы — вот так! — и разорвал бабочку. Ах, видели бы вы, как он ее рвал!

Волумния

Совсем как отец, когда тот вспылит!

Валерия

В самом деле, замечательный ребенок.

Виргилия

Только ужасный шалун.

Валерия

Послушай, отложи ты свое шитье. Пойдем прогуляемся немного.

Виргилия

Нет, милая Валерия, я не пойду из дому.

Валерия

Не пойдешь?

Волумния

Пойдет, пойдет.

Виргилия

Нет-нет, не уговаривай. Пока мой супруг не вернется с войны, я шагу за порог не ступлю.

Валерия

Да полно тебе. Целыми днями сидеть взаперти — просто неразумно.

Пойдем. Надо же навестить добрую соседку, которая лежит в родах.

Виргилия

Желаю ей скорее поправиться и помогу ей своими молитвами, но пойти к ней не могу.

Волумния

Почему, скажи на милость?

Виргилия

Уж, конечно, не потому, что ленюсь или не люблю ее.

Валерия

Ты, видно, решила стать второй Пенелопой. Но ведь говорят, что пряжа, сотканная ею, пока Улисса не было, только развела моль на Итаке. Пойдем! Как жаль, что твоя ткань не так чувствительна к боли, как твой палец: ты бы хоть из сострадания перестала ее колоть. Пойдем же. Ты должна пойти с нами.

Виргилия

Нет, милая Валерия, прости, но я не пойду.

Валерия

А все-таки тебе придется пойти: у меня хорошие вести о твоём муже.

Виргилия

Ах, что ты! Ведь они еще не успели прийти.

Валерия

Я не шучу, а всерьез говорю. Ночью пришло известие от него.

Виргилия

В самом деле?

Валерия

Истинная правда; один сенатор рассказывал при мне. Вольски выступили; на них двинулся полководец Коминий с частью наших сил, а твой муж и Тит Ларций тем временем осадили Кориолы. Они уверены в победе и скором конце войны. Клянусь честью, это правда. Ну, теперь пойдешь с нами?

Виргилия

Вот кончится война, и я во всем буду тебя слушаться, а пока — прости меня, дорогая.

Волумния

Лучше оставь ее, милая, не то она сегодня и на нас тоску нагонит.

Валерия

Да, я тоже так думаю. — Прощай, милая. — Пойдем, благородная Волумния. — Прошу тебя, Виргилия, забудь ты свой торжественный вид и пойдем с нами.

Виргилия

Нет, честное слово, я не могу пойти. Желаю вам весело провести время.

Валерия

В таком случае прощай.

Уходят.

СЦЕНА 4

*Под стенами Кориол. Входят с барабанами и знаменами **Марций**, **Тит Ларций**, военачальники и войско.*

*Навстречу им — **гонец**.*

Марций

Есть новости. Бьюсь об заклад: был бой.

Ларций

Коня я ставлю: не было.

Марций

Я тоже.

Ларций

Идет.

Марций

(гонцу)

Скажи, вступил ли в бой наш вождь?

Гонец

Войска уже сошлись, но выжидают.

Ларций

Твой конь за мной!

Марций

Я выкуплю его.

Ларций

Нет, не продам, не подарю его.
Но одолжу тебе лет на полсотни.
Начнем осаду.

Марций

(гонцу)

Где войска?

Гонец

В двух милях.

Марций

Тогда наш бранный клич им будет слышен,
А мы услышим их призыв. — О Марс,
Молю, дай нам быстрее с врагом покончить,
Чтоб мы с еще дымящимся оружием
Пришли к друзьям на помощь. — Эй, трубите.

Трубят к переговорам. На стенах появляются два сенатора и воины.

Скажите, Тулл Авфидий в Кориолах?

Первый сенатор

Нет, как и никого, кто б вас боялся
Сильней, чем он, а вы ему не страшны.

В городе бьют барабаны.

Ты слышишь? наших юношей на бой
Сзывают барабаны. Мы скорее
Разрушим стены, чем замкнемся в них.
Ворота наши тростником скрепили
Для виду мы и сами их откроем.

Вот, слышишь?

Доносится шум сражения.

То громит Авфидий вашу
Разметанную рать.

Марций

Да, там дерутся.

Ларций

Шум этой битвы — нам сигнал. Эй, лестниц!

Появляются вольски, сделавшие вылазку.

Марций

Они выходят: значит, расхрабрились.
Прикрыть сердца щитами, но пусть будут
Сердца щитов надежней! — Тит, вперед!
Враги посмели к нам питать презрение.
От гнева жарко мне. — Друзья, смелее!
Тех, кто отступит, я почту за вольсков
И познакомлю со своим мечом.

Сражение. Римляне отступают.

Да поразит вас вся зараза юга,
О стадо Рим покрывших срамом трусов!
Пусть язвы и нарывы вас облепят,
Чтоб встречный, к вам еще не подойдя,
От смрада убегал и чтоб под ветром
На милую друг друга заражали!
Вы духом гуси, хоть обличьем — люди.
Как смели вы бежать перед рабами,
Которых бить и обезьянам в пору?
О ад! У вас в крови одни лишь спины,

А лбы бледны от лихорадки страха.
Назад! Иль я — клянусь огнем небесным! —
Врагов оставлю и на вас ударю.
За мной! Лишь выстояте, и мы погоним
Их к женам, как они ко рвам нас гнали!

*Сражение возобновляется. **Вольски** отходят к Кориолам. **Марций** преследует их до ворот города.*

Ворота настезь? Не упустим случай.
Судьба не беглецам их распахнула,
А победителям. Вперед, за мной!
(*Входит в город.*)

Первый воин

Нет, я не спятил: не пойду!

Второй воин

Я тоже.

Ворота захлопываются.

Первый воин

Ворота запирают!

Шум битвы продолжается.

Все

Он пропал.

*Входит **Тит Ларций**.*

Ларций

Что с Марцием?

Все

Сомнения нет: убит.

Первый воин

За беглецами по пятам он гнался,
Вошел в ворота с ними, но внезапно
Их заперли. Теперь он там один
На целый город.

Ларций

О мой друг отважный!
Ты был при жизни тверже, чем твой меч
Безжизненный: он гнулся, ты же — нет.
Утрачен Марций! Бриллиант чистейший,
Будь он с тебя величиной, и тот
Не стоил бы дороже. Рисовался
Таким, как ты, в мечтах Катону воин:[3](#)
Ты не одним ударом страшен был;
Твой грозный вид и голос твой громовый
Враги бросали в дрожь, как если б бился
Мир в лихорадке...

*Возвращается **Марций**, обливаясь кровью; за ним — **враги**.*

Первый воин

Тит, смотри!

Ларций

Наш Марций!
Спасем его — иль вместе с ним погибнем!

Сражаясь, врываются в город.

СЦЕНА 5

Улица в Кориолах.

Входят несколько римских воинов, несущих добычу.

Первый римлянин

Вот это я прихвачу с собой в Рим.

Второй римлянин

А я — это.

Третий римлянин

Ах, чтоб тебе сдохнуть! Я эту дрянь за серебро посчитал!

Вдали шум продолжающейся битвы. Входят Марций и Тит Ларций с трубачом.

Марций

Взгляни, ну и вояки! Им дороже
Истертый грош, чем время. Бой не кончен,
А эти низкие рабы уж тащат
Подушки, ложки, хлам железный, тряпки,
Которые палач зарыл бы в землю
С тем, кто носил их.⁴ Перебить мерзавцев!
Ты слышишь шум в той стороне, где бьется
Наш вождь? К нему! Там режет ненавистный
Авфидий римлян. Ну, отважный Тит,
Бери отряд, который сможет город
Удерживать, а тех, кто посмелее,
Я поведу к Коминию на помощь.

Ларций

Достойный друг, ты истекаешь кровью.
Так тяжек был твой ратный труд, что снова
Ты в бой идти не должен.

Марций

Не хвали.
Я даже толком не разгорячился.
Скорей полезно, нежели опасно
Мне кровь пустить. Авфидию предстану
Таким я, как сейчас, и с ним сражусь.
Прощай.

Ларций

Пускай прекрасная богиня
Фортуна, полюбив тебя, введет
В смятение силой чар своих волшебных
Мечи твоих врагов! Смелчак, да будет
Тебе слугой успех.

Марций

К своим любимцам
Пусть и тебя она причтет. Прощай!

Ларций

О Марций наш, достойный из достойных!

Марций уходит.

(Трубачу.)

Иди на площадь и труби, сзывая
Ко мне все власти города, чтоб им
Я нашу волю объявил. Ступай!

Уходят.

СЦЕНА 6

У лагеря Коминия.

Входит Коминий с войском. Они отступают.

Коминий

Друзья, передохните. Вы сражались
Как римляне: в бою — без сумасбродства,
Без страха — в отступлении. Поверьте,
Ждет новый натиск нас. Когда мы дрались,
По ветру то и дело доносился
К нам бранный клич друзей. — О боги Рима,
Победу ниспошлите им и нам.
Чтоб жертвой благодарственной две рати,
Сойдясь, почтили вас.

Входит гонец.

Какие вести?

Гонец

На вылазку решились кориольцы,
На Ларция и Марция ударив.
Я видел, как ко рвам погнали наших,
И поскакал сюда.

Коминий

Пусть даже правду
Ты возвестил, не нравится мне весть.
Давно ли это было?

Гонец

Час назад.

Коминий

Мы слышим барабаны. Значит, будет
Туда не больше мили. Что ж так долго
Ты добирался?

Гонец

Вольские дозоры
Охотились за мной, и прокружил
Я мили три-четыре, а иначе
За полчаса б успел к тебе.

Входит Марций.

Коминий

Кто это
Пришел к нам окровавленный, как будто
С него вся кожа содрана? О боги,
Как с Марцием он схож! Того случилось
Таким мне видеть.

Марций

Я не опоздал?

Коминий

Скорей пастух не отличит волынки
От грома, чем от голосов обычных
Я голос Марция.

Марций

Не опоздал я?

Коминий

Нет, если ты забрызган вражьей кровью,
А не своей.

Марций

Позволь тебя обнять
Так радостно и крепко, как когда-то
Я обнимал невесту в вечер свадьбы,
Когда зажглись над ложем брачным свечи.

Коминий

Цвет храбрецов, скажи, где наш Тит Ларций?

Марций

Он в Кориолах, где изрядно занят:
Одних казнит, других в изгнание шлет,
Тех милует, тем выкуп назначает
И устрашает всех. На сворке город,
Как льстивого, но рвущегося пса,
По воле Рима держит он.

Коминий

Где раб,
Сказавший мне, что вас ко рвам прогнали?
Где он? Позвать сюда?

Марций

Оставь его.
Он не солгал. Лишь нобили сражались,
Плебеи же — чума на них! — бежали.
И вот таким еще дают трибунов!
Не удирали так от кошки мыши,
Как этот сброд от худших, чем он сам,
Мерзавцев.

Коминий

Как же верх вы взять сумели?

Марций

А до рассказов ли сейчас? Едва ли.
Где враг? За кем осталось поле битвы?
Коль не за вами, что ж не бьетесь вы?

Коминий

Мы отошли, неся потери, Марций,
Чтобы потом вернее победить.

Марций

Как расположены враги? Где встали
Их лучшие бойцы?

Коминий

Насколько знаю,
Передовой отряд их — анциаты.
Они — опора войска. Там Авфидий,
Залог надежд врага.

Марций

Молю тебя,
Во имя битв, где кровь мы лили вместе,
Во имя нашей клятвы в вечной дружбе
Позволь ударить мне на анциатов
Авфидия. Не упускай минуты!
Взметнем же в воздух вновь мечи и копья
И попытаем счастья.

Коминий

Хоть желал бы
Тебя я видеть в бане, где бальзамом
Тебе обмыли б раны, не могу я
В подобной просьбе отказать. Бери
На выбор лучших воинов.

Марций

Со мною
Пойдет лишь тот, кто сам захочет.
(Войску.)

Если
Меж вами есть хотя б один (а в это
Не верить — грех), кому приятно видеть
Меня размалевавшие румяна,
Кому милей опасность, чем бесславье,
И доблестная смерть, чем прозябанье,
Кому дороже родина, чем жизнь, —
Пусть он один иль все, кто так же мыслит,
Свои мечи поднимут в знак согласия
За Марцием идти.

(Обнажает меч.)

*Крики. Воины, потрясая мечами и кидая в воздух шлемы, подхватывают **Марция** на руки.*

Прочь! Я — не меч; хватать меня не надо.
Коль вы не хвастуны, то стоит каждый
Меж вами четырех врагов и может
Сойтись с самим Авфидием могучим
Щитом к щиту. Хоть всех благодарю,
Но выберу немногих я, а прочим
Найдется дело и в других сраженьях,
Когда судьба захочет. Выступаем!
Пусть четверо из вас мне отберут
Охотников идти со мной.

Коминий

Вперед!
Свою готовность делом подкрепите, —
И равны славой станете вы нам.

Уходят.

СЦЕНА 7

У ворот Кориол. Тит Ларций, оставив отряд для охраны города, выходит под звуки труб и барабанов на помощь Коминию и Каю Марцию. С ним воины и проводник. Его провожает военачальник.

Ларций

(военачальнику)

Ворота охраняй и мой приказ
Исполни точно. Если дам я знать,
Пришли ко мне на помощь часть центурий,
А с остальными продержись пока.
Коль проиграем бой, оставим город.

Военачальник

Ты можешь положиться на меня.

Ларций

Когда мы выйдем, запереть ворота! —
Ну, проводник, води нас в римский лагерь.

Уходят.

СЦЕНА 8

*Поде боя между лагерями римлян и вольсков. Шум битвы.
Входят с разных сторон **Марций и Авфидий.***

Марций

Дерусь с одним тобой. Ты ненавистней
Мне, чем клятвопреступник.

Авфидий

Ты мне — также.
Гнусней мне ты, и злость твоя, и слава,
Чем африканский гад. Готовься к бою!

Марций

Пусть тот, кто дрогнет первым, будет проклят
И станет победителю рабом.

Авфидий

Коль побегу, трави меня, как зайца.

Марций

Тулл, три часа назад один ворвался
Я в Кориолы и потешил душу.
Ты видишь: я в крови, но не в своей.
Сбирай для мести силы!

Авфидий

Будь ты Гектор,
Сей бич для вас, его бахвалы внуки,⁵
Ты и тогда бы от меня не спасся.

*Сражаются. **Несколько вольсков** бросаются на помощь к **Авфидию.**
Марций теснит их.*

Услужливые трусы! Ваша помощь
Меня лишь осыпала. К черту вас!

Уходят, сражаясь.

СЦЕНА 9

*Шум битвы. Трубят отбой. Входят с одной стороны **Коминий** и римляне, с другой — **Марций**, у которого рука на перевязи, и его отряд.*

Коминий

Когда б о том, что ты свершил сегодня,
Тебе я рассказал, ты б не поверил
Своим деяньям. Лучше донесенье
Я в Рим отправлю, чтоб, его читая,
Сенаторы сквозь слезы улыбались;
Чтоб нобили, сперва пожав плечами,
Возликовали под конец; чтоб жены
Ему внимали в сладостном испуге;
Чтобы сказать пришлось глупцам трибунам,
Тебе, как весь их затхлый плебс, враждебным:
«Хвала богам, у Рима есть защитник!»
Но ты на пир пришел, уже насытись,
И к самому концу его.

*Возвращается с войском **Тит Ларций**, преследовавший неприятеля.*

Ларций

(указывая на Марция)

О вождь,
Вот бранный конь; мы — лишь чепрак на нем.
Ах, если б ты видал...

Марций

Прошу, умолкни!
Я не стерплю, чтоб даже мать моя —
А ей уж кровь свою хвалить пристало —
Меня превозносила. Совершил я
Для родины, как вы, лишь то, что мог.
Любой, кто, жизни не щадя, сражался,
Делами равен мне.

Коминий

Нет, ты не будешь
Могилою заслуг своих: пусть Рим
О доблести своих сынов узнает.
Скрывать твой подвиг, обойти молчаньем
Того, кто хочет скромно в тень уйти,
Хоть всех похвал превыше он, — преступней,
Чем кража, и предательству равно.
Поэтому, прошу тебя, послушай
То, что скажу я воинам, приняв
Его как должное, а не награду.

Марций

Изранен я. Чтоб раны не заныли,
Не надо вспоминать о них.

Коминий

Нет, надо,
Не то их загноит неблагодарность
И перевяжет смерть. Из всех коней
(Немало нам досталось их) и всех
Сокровищ, взятых в городе и в битве,
Даем мы часть десятую тебе,
Ее в раздел добычи не включая.
Бери что хочешь.

Марций

Вождь, благодарю,
Но неподкупным сердцем не приемлю
Я платы за деяния меча
И требую себе такой же доли,
Какую все, кто был в бою, получают.

Протяжный звук труб. Все кричат: «Марций, Марций!», бросая в воздух шлемы и копья. Коминий и Ларций обнажают головы.

Пусть трубы оскверненные умолкнут!
Уж если льстят они на поле брани,
То, значит, лишь слащавых лицемеров
Мы встретим во дворцах и городах.
Доспехи бесполезны, если мягче,
Чем шелк на царедворце, станет сталь.
Довольно! Неужели лишь за то,
Что кровь с лица я не успел омыть
Или убил двух-трех бедняг тщедушных,
Не больше сделав, чем безвестный воин,
Напыщенными возгласами чтите
Меня вы, словно мне питать приятно
Приправленными лестью похвалами
Ничтожество свое?

Коминий

Ты слишком скромен
И к доброй славе собственной жесток,
Гневясь на нас за правду. Помни, если
Себя ты поносить не перестанешь,
Тебе скуем мы руки (как безумцу,
Себе вреда желающему), чтобы
Спокойно говорить с тобой. Итак,
Пусть знают все, как это нам известно,
Что в битве Марций заслужил венок.
В знак этой чести конь мой благородный,
Которого здесь знает каждый воин,
К нему со всею сбруей переходит.
А сверх того отныне да получит

За все, что он свершил у Кориол,
Кай Марций при хвалебных криках войска
Кориолана имя, и пускай
Он носит это прозвище со славой!

Трубы и барабаны.

Все

Кориолан — Кай Марций!

Кориолан

Я пойду
Лицо умою, и тогда посмотрим,
Не покраснел ли я. Так иль иначе,
Благодарю вас всех.
(Коминию.)
Коня приму,
А это имя постараюсь с честью
Носить и дальше, как на шлеме гребень.

Коминий

Идем в палатку. Там мы о победе
Напишем в Рим, а после отдохнем.
Тит Ларций, возвращайся в Кориолы
И шли вождей их в Рим для заключенья
Взаимовыгодного мира с нами.

Ларций

Исполню, полководец.

Кориолан

Боги, видно,
Смеются надо мной. Я отказался
От царственных даров, и тут же просьбой

Я должен докучать вождю.

Коминий

Согласье
Заранее даю. Чего ты просишь?

Кориолан

Один бедняк когда-то в Кориолах
Мне оказал гостеприимство. Видал
Сегодня я, как он, попавши в плен,
Взывал ко мне, но в эту же минуту
Заметил я Авфидия, и смолкла
Пред злобой жалость. Дай ему свободу.

Коминий

О, просьба благородная! Да если б
Он был убийцей сына моего,
И то б свободен стал как ветер. Ларций,
Исполни.

Ларций

Марций, как его зовут?

Кориолан

Забыл, клянусь Юпитером. Усталость
Отбила память. Нет ли здесь вина?

Коминий

Идем в палатку. Запеклось от крови
Твое лицо. Пора уже подумать
О перевязке. Ну, идем скорей.

Уходят.

СЦЕНА 10

Лагерь вольсков.

Трубы и рожки. Входит окровавленный Тулл Авфидий, с ним несколько воинов.

Авфидий

Наш город взят.

Первый воин

Но возвратится к нам
На выгодных условиях.

Авфидий

На условиях!
Хотел бы стать я римлянином, если
Как вольск быть не могу самим собой.
Условия! Да какие там условия
Для тех, кто побежден! — С тобою, Марций,
Пять раз я бился, и разбит пять раз,
И буду вновь разбит, хотя б встречались
Мы так же часто, как едим. — Клянусь
Стихиями, когда мы вновь сойдемся
Лицом к лицу, — иль он меня убьет,
Иль я его. Былое благородство
Мой гнев утратил. Если раньше думал
Я Марция сломить в бою, как равный,
То я теперь готов на все: не силой,
Так хитростью возьму.

Первый воин

Он сущий дьявол!

Авфидий

Смелей его, но не хитрее. Доблесть
Во мне он отравил клеймом позора,
И от себя теперь я отрекаюсь.
Каким бы ни был он: нагим, больным
Иль спящим; где бы ни был он: во храме,
На Капитолии, у алтаря
В часы молитв и жертвоприношений,
Когда стихает злоба, — никакие
Обычай и ржавые законы
Не победят моей вражды к нему.
Когда б его я встретил в отчем доме
И защищал его мой брат родной,
То даже там, забыв гостеприимство,
Я руку в сердце у него б омыл.
Идите в Кориолы и узнайте,
Что там решили и кого отправят
Заложниками в Рим.

Первый воин

А ты куда?

Авфидий

Пойду я в рощу кипарисов, к югу
От мельниц городских. Там ждут меня.
Туда ты и явись ко мне с вестями,
Чтоб знал я, что мне делать.

Первый воин

Все исполню.

Уходят.

АКТ II

СЦЕНА 1

Рим. Площадь.

Входят Менений и народные трибуны Сициний и Брут.

Менений

Я слышал от авгура, что к вечеру будут вести.

Брут

Хорошие или дурные?

Менений

Не такие, каких народу хочется: он ведь Марция не любит.

Сициний

Чему ж тут удивляться: зверь и тот понимает, кто ему друг.

Менений

А скажи-ка на милость, кого любит волк?

Сициний

Овечку.

Менений

Да, чтобы сожрать ее; голодный плебс хотел бы поступить так же и с благородным Марцием.

Брут

Истинная овечка, только блеет по-медвежьи.

Менений

Медведь-то он медведь, да живет как овца. Вот вы оба — люди пожилые. Ответьте-ка мне на один вопрос.

Оба трибуна

Ладно, спрашивай.

Менений

Назовите мне хоть один порок, которым Марций не был бы беден, а вы — не богаты.

Брут

Да он ни одним не беден: у него любого хоть отбавляй.

Сициний

Особенно высокомерия.

Брут

А хвастливости еще больше.

Менений

Вот это странно. А известно ли вам самим, за что вас в городе осуждают — не все, разумеется, а мы, именитые люди? Ну, известно?

Оба трибуна

Так за что же нас осуждают?

Менений

Вы тут сейчас про высокомерие толковали... А вы не рассердитесь?

Оба трибуна

Нет-нет, продолжай.

Менений

Впрочем, если и рассердитесь, беда невелика: ведь все ваше терпение малейший пустяк расхитить может. Поэтому дайте себе волю и злитесь в свое удовольствие. Итак, вы порицаете Марция за высокомерие?

Брут

Но мы одни.

Менений

Знаю, что одни вы немногочисленны. Зато помощников у вас хватает; не будь их, ваши поступки были бы только смешны. Вы же разумом — сущие младенцы, и одни много не сделаете. А не худо бы вам на самих себя посмотреть да полюбоваться своими драгоценными особами! Ох как не худо бы!

Брут

А что мы увидели бы?

Менений

А увидели бы вы пару негодных, спесивых, наглых, упрямых трибунов — проще сказать, дураков, каких Рим не видывал.

Сициний

Мы тебя, Менений, тоже хорошо знаем.

Менений

Да, меня все знают за весельчака патриция, который не дурак выпить кубок подогретого вина, не разбавленного ни единой каплей тибрской воды.⁶ Худого же про меня говорят лишь то, что я таю от первой слезы просителя, вспыхиваю, как трут, от каждого пустяка и больше знаком с тыльной частью ночи, чем с лицом утра. Я не стану злобу про себя таить: у меня что на уме, то и на языке. Уж если я встретил двух таких государственных мужей, как вы (Ликургами вас, конечно, не назовешь!), и если меня воротит от питья, которое вы мне преподносите, то я морщусь не стесняясь. Не могу же я признать, что ваши милости говорят разумно, если в каждом звуке ваших речей слышу ослиный рев. Когда другие назовут вас людьми почтенными и серьезными, я еще смолчу; но уж когда они станут утверждать, что лица у вас добрые, я скажу, что это бессовестная ложь. Вы все это, конечно, и сами прочли на карте моего микрокосма, но следует ли отсюда, что вы меня хорошо знаете? Какие же такие изъяны выискала во мне ваша близорукая проницательность, что вы смеее заявлять, будто хорошо меня знаете?

Брут

Что ты там ни говори, мы тебя все равно хорошо знаем.

Менений

Не знаете вы ни меня, ни себя, да и вообще ничего. Вы любите, когда всякие оборванцы перед вами шапку ломают. Вы готовы целое утро убить на разбор тяжбы между торговкой апельсинами и трактирщиком, да еще отложить до следующего дня решение этого спора из-за ломаного гроша. А если у вас схватит живот, когда вам надо выслушивать стороны, то лица у вас перекашиваются, как у ряженных, терпение лопается, вы шумно требуете себе ночной горшок и уходите, оставляя дело еще более запутанным, чем до вашего разбирательства. У вас только один способ примирить тяжущихся: обозвать мошенниками и правого и виноватого. Ну и замечательная же вы парочка!

Брут

Ладно-ладно, мы-то ведь знаем, что ты отменный балагур за столом, а вот на Капитолии — плохой советчик.

Менений

Сами жрецы научились бы смеяться, попадайся им почаще такие смехотворные дурни, как вы. Бородой вы и то трясете осмысленнее, чем произносите самые лучшие свои речи, хотя для ваших бород даже подушка портняжки или вьючное седло осла — чересчур почетная могила. А вы еще жалуетесь, что Марций высокомерен! Да ведь он, на самый худой конец, стоит больше всех ваших предков, начиная с Девкалиона, хотя лучшие из них были, кажется, потомственными палачами. Пожелаю-ка я вам всего хорошего, а не то слишком долгие разговоры с вами, пастыри плебейского стада, еще засорят мне мозг. Беру на себя смелость распроститься с вами.

Брут и Сициний отходят в глубину сцены. Входят Волумния, Виргилия и Валерия.

Что с вами, прекрасные дамы, благородные и чистые, как сама луна, спустившаяся к нам на землю? Куда это так нетерпеливо устремлены ваши взоры?

Волумния

Достойный Менений, сын мой Марций подходит к Риму. Юноной заклинаю тебя, не задерживай нас.

Менений

Что? Марций возвращается?

Волумния

Да, достойный Менений, и с великой славой.

Менений

(бросает шапку в воздух)

Прими мою шапку и мои благодарения, Юпитер! Неужели правда, что Марций возвращается?

Виргилия и Валерия

Да-да, правда.

Волумния

Видишь, вот его письмо ко мне; сенату он прислал другое, жене — третье, да и тебя, пожалуй, дома письмо ожидает.

Менений

Ну, сегодня у меня весь дом от радости заплещет. Неужели мне есть письмо?

Виргилия

Есть, есть, я сама видела.

Менений

Письмо ко мне! Да оно мне на целых семь лет вперед здоровья придаст, и я натяну нос моему лекарю. По сравнению с таким снадобьем самые мудрые рецепты Галена — шарлатанство или, в лучшем случае, промывательное для лошадей. А Марций не ранен? Он же никогда невредимым домой не возвращается.

Виргилия

Ах, нет, нет!

Волумния

Конечно, ранен, и я благодарна богам за это.

Менений

Я тоже — если раны не слишком тяжелые. Впрочем, они ему к лицу. Так, значит, победа у него в кармане?

Волумния

Нет, Менений, — на челе. В третий раз он возвращается в дубовом венке.

Менений

А он, наверно, крепко приструнил Авфидия?

Волумния

Тит Ларций пишет, что они схватились один на один, но Авфидий бежал.

Менений

И правильно сделал, клянусь честью. Не сбеги он вовремя, Марций бы так его разавфидил, что за все золото в кориольских сундуках я не захотел бы очутиться на его месте. А сенату обо всем этом известно?

Волумния

(Виргилии и Валерии)

Идемте, милые. *(Менению.)* Да-да. Сенат получил письма от полководца Коминия. Тот уверяет, что вся слава этого похода принадлежит моему сыну. Он затмил свои прежние подвиги.

Валерия

В самом деле, о нем рассказывают чудеса.

Менений

Чудеса? Ручаюсь — только истинные.

Виргилия

Боги да подтвердят их истинность!

Волумния

Истинность? Да кто же в этом сомневается!

Менений

Истинность? Готов в ней поклясться. — Куда же он ранен? (*Трибунам, которые опять подходят к нему.*) Привет, почтеннейшие! Марций-то возвращается, и теперь у него еще больше причин быть высокомерным. (*Волумнии.*) Так куда же он ранен?

Волумния

В плечо и в левую руку. Теперь у него достаточно шрамов, чтобы показать народу, когда он будет добиваться консульства. Когда мы отражали набег Тарквиния, Марций уже получил семь ран.

Менений

Одну — в шею, две — в бедро. Всего, кажется, девять.

Волумния

У него и до этого похода было двадцать пять ран.

Менений

Значит, теперь их стало двадцать семь: что ни рана — то могила для врага.

Крики и трубы за сценой.

Слышите? Трубы!

Волумния

То весть нам Марций шлет. Его повсюду
Восторг встречает, провожают слезы.
В его руке дух смерти воплощен:

Чуть его он взмахнул — и враг сражен.

Трубы.

*Входят **Коминий и Тит Ларций**; между ними **Кориолан** в дубовом венке; за ними — **военачальники, воины и глашатай**.*

Глашатай

Знай, Рим, что кориольские ворота
Кай Марций в одиночку захватил,
Стяжав себе со славой третье имя —
Кориолан — вдобавок к первым двум.
Добро пожаловать, Кориолан!

Трубы.

Все

Добро пожаловать, Кориолан!

Кориолан

Довольно же! Не по сердцу мне это.
Прошу...

Коминий

Вот мать твоя подходит.

Кориолан

О!

Я знаю, кем удача у богов

Мне вымолена.

(Опускается на колени.)

Волумния

Встань, мой славный воин,

Мой милый Марций, мой достойный Кай,

За подвиги отныне нареченный...
Ну, как его?.. Кориоланом. Так ведь?
Взгляни же, вот твоя жена.

Кориолан

Привет,
Молчальница прелестная моя!
Что ж ты на мой триумф глядишь сквозь слезы?
Тогда уж ты должна была б смеяться,
Вернись в гробу я... Плакать, дорогая,
Сегодня нужно кориольским вдовам
И матерям.

Менений

Богами будь увенчан!

Кориолан

Ты жив, дружище?
(Валерии.)
Госпожа, прости...

Волумния

Не знаю, с кем здороваться!..
(Коминию.)
Привет
Тебе, наш вождь, и всем, кто возвратился!

Менений

Нет, тысяча приветов! И смеяться
И плакать я готов, а на душе
И тяжело и легко. Привет вам всем!
Пусть тех, кто увидеть тебя не рад,
Проклятье поразит. А вас троих
Боготворить обязан Рим, хоть в нем

Найдутся застарелые дички,
Которым не привьешь ваш дух высокий.
Да что нам в них! Привет вам, полководцы!
Крапива же останется крапивой,
А дурни — дурнями.

Коминий

Всегда он прям.

Кориолан

Всегда, во всем все тот же он Менений.

Глашатай

Вперед! Дорогу!

Кориолан

(Волумнии и Виргилии)

Дайте ваши руки.

Но раньше чем склонюсь пред отчим кровом,

Я обойду патрициев почтенных,

Благодаря их за слова приветов

И почести.

Волумния

Мне удалось дожить

До исполнения всех моих желаний,

Воображеньем смелым порожденных.

Осталась у меня одна мечта,

Но и ее исполнит Рим.

Кориолан

Нет, лучше

По-своему служить ему, чем править

Им так, как хочет чернь.

Коминий

На Капитолий!

Трубы и рожки.

*Триумфальное шествие удаляется. **Брут и Сициний** выходят вперед.*

Брут

Все лишь о нем толкуют. Нацепили
Слепцы очки, чтоб на него взглянуть.
О нем стрекочет нянька, позабыв
Про малыша орущего; стряпуха,
На шее грязь прикрыв холщовой тряпкой,
В окошко пялится; ларьки, прилавки
И двери от людей черны; на крышах
Торчит народ; зеваки на коньках
Сидят верхом. Везде пестреют лица.
Все лишь его глазами жадно ищут.
Затворники жрецы и те сегодня
С толпой смешались и пыhtят, пытаясь
Вперед пролезть. Матроны в покрывалах
Под поцелуи Феба подставляют
Свой нежный лик, где белизна с румянцем
Ведет войну. На улицах так шумно,
Как если б некий бог, его хранящий,
Вошел в него, свое очарованье
Ему придав.

Сициний

Ручаюсь, скоро будет
Он консулом.

Брут

А при его правленье
Одно останется нам — спать.

Сициний

Он и у власти будет безрассуден,
Не кончит так, как начал, и утратит
Все, что снискал.

Брут

Хоть в этом утешенье!

Сициний

Поверь, что плебс, чью сторону мы держим,
Ждет только повода, чтоб позабыть
Сегодняшний триумф его и вспомнить
Вчерашнюю вражду к нему. А повод
Он сам создаст своим высокомерьем.

Брут

При мне он клялся, что когда захочет
Быть консулом, то ни за что не выйдет
На рыночную площадь, не наденет
До нитки вытертых одежд смиренья
И не покажет (как велит обычай)
Народу ран своих, чтоб домогаться
Его вонючих голосов.

Сициний

Недурно!

Брут

Добавил он, что консульства искать
Не станет вовсе, если не попросят
Патриции его об этом сами.

Сициний

Чего же лучше! Одного желаю:
Пусть клятве не изменит.

Брут

Так и будет.

Сициний

А это, как того мы и хотим,
Его погубит.

Брут

Иль его мы свалим,
Иль наша власть падет. Мы с этой целью
Должны внушать плебеям, что всегда
Он ненавидел их, что, если б мог,
Он превратил бы их во вьючных мулов,
И вольностей лишил, и рот заткнул
Защитникам народа, убежденный,
Что чернь в делах и разумом и сердцем
Не выше, чем верблюды войсковые,
Которых кормят, чтоб таскали грузы,
И бьют, когда они под тяжелой ношей
На землю валятся.

Сициний

Все эти мысли
Плебеям мы внушим, как только он
Их спесью оскорбит, что будет скоро:
Ведь Марция на чернь науськать проще,
Чем на овец собаку. Разом вспыхнет
Народ, как куча хворосту, и дымом
Его навеки закоптит.

Входит гонец.

Брут

В чем дело?

Гонец

На Капитолий вас зовут. Есть слух,
Что Марций будет консулом. Теснятся
Там все: глухие — чтоб его увидеть,
Слепые — чтоб услышать. Путь его
Перчатками матроны забросали,
А девушки и женщины — платками.
Пред ним склонились нобили, как будто
Пред статуей Юпитера, и шапки
Дождем летели из толпы народной
Под гром приветствий. Никогда такого
Я не видал.

Брут

Идем на Капитолий!
Пусть трудятся пока глаза и уши,
А сердце выжидает.

Сициний

Я с тобой.

Уходят.

СЦЕНА 2

Там же. Капитолий.

Входят два служителя с подушками для скамей.

Первый служитель

Скорее, скорее, они сейчас придут. А сколько человек добивается консульства?

Второй служитель

Говорят, трое. Но все уверены, что будет избран Кориолан.

Первый служитель

Малый он храбрый, но только чертовски спесив и недолюбливает простой народ.

Второй служитель

Полно тебе! Ведь уж сколько больших людей льстили народу, а он все равно их не любил; а других любил неизвестно за что. Значит, можно так сказать: если народ любит без причины, то и ненавидит без основания. Кориолан это понимает; ему все равно — любит его народ или ненавидит. А так как он человек благородный и прямой, то он этого и не скрывает.

Первый служитель

Будь ему все равно, любит его народ или нет, он держался бы себе в сторонке и не делал ему ни добра, ни зла. Но он словно старается заслужить народную ненависть и прямо из кожи лезет, чтобы показать это своим недругам. А напрашиваться на вражду и злобу народа ничуть не лучше, чем льстить тем, кого ненавидишь, чтобы они тебя полюбили.

Второй служитель

Он достойно послужил отечеству. Уж ему-то возвыситься потруднее было, чем многим другим, которые только кланялись да угождали народу, не сделав ничего, чтобы пробудить в нем уважение к ним. А Кориолан так запечатлел свою славу во всех глазах и свои подвиги во всех сердцах, что замалчивать и не признавать это было бы черной неблагодарностью. Отзываться о нем плохо может только человек злобный и лживый, которого

попрекнет и осудит каждый, кто услышит такие слова.

Первый служитель

Ну, хватит о нем. Я вижу: он и в самом деле человек достойный. Прочь с дороги, сенаторы идут.

Трубы.

*Входят консул **Коминий**, предшествуемый ликторами, **Менений, Кориолан, сенаторы, Сициний и Брут**. Сенаторы занимают свои места, трибуны — свои. Кориолан стоит.*

Менений

Теперь, когда отозван Ларций в Рим
И с вольсками покончено, осталось
(Для этого мы здесь и собрались)
Решить, как мы вознаградим заслуги
Того, кто столько сделал для отчизны.
Поэтому, почтенные отцы,
Прошу я, чтобы здесь сидящий консул
И вождь победоносный нам поведал
О подвигах, которые Кай Марций
Кориолан свершил. Он тут, меж нами,
И почести воздать ему должны мы
Как подобает.

Первый сенатор

Говори, Коминий,
Наскучить не боясь, и докажи,
Что дело не за нами, а за тем,
Что Риму средств не хватит для награды.
(Трибунам.)
Мы просим вас, избранники народа,
Все благосклонно выслушать, а после
Решенье наше дружественной речью
Перед народом поддержать.

Сициний

Всем сердцем
Стремясь к согласью общему, охотно
Согласны мы почтить того, кому
Посвящено собрание.

Брут

Но охотней
Его мы чтим б, научись он сам
Ценить и почитать народ побольше,
Чем раньше.

Менений

Брут, не к месту речь твоя!
Ты б лучше помолчал. Ну, будешь слушать
Коминия?

Брут

Да, буду, но уместней
Его предостеречь мне, чем тебе
Меня бранить.

Менений

Он любит твой народ,
Но с ним в одной постели спать не станет. —
Коминий, говори.

Кориолан порывается уйти.

А ты останься.

Первый сенатор

Кориолан, хвалу своим деяньям

Не стыдно слушать. Сядь.

Кориолан

Отцы, простите:
Полезней раны мне лечить, чем слушать
О том, как получил я их.

Брут

Надеюсь,
Не речь моя тебя спугнула?

Кориолан

Нет,
Хоть часто я, ударов не страшась,
От слов пустых бежал. Ты мне не льстил,
Поэтому меня ты не обидел.
А твой народ и я люблю — настолько,
Насколько стоит он того.

Менений

Ну, сядь же.

Кориолан

Скорей я стану нежиться на солнце,
Почесывая голову под звуки
Тревоги боевой, чем праздно слушать
Слова хвалы делам моим ничтожным.
(Уходит.)

Менений

Избранники народа, как он может
Льстить вашим плодовитым оборванцам
(На тысячу которых нет и двух
Людей достойных), если много легче

Ему отдать всю жизнь во имя чести,
Чем пять минут вниманья восхваленью
Своих деяний? — Начинай, Коминий.

Коминий

Мой голос слаб. Ему ли описать
Дела Кориолана? — Если правда,
Что храбрость — высшее из всех достоинств,
Которые мужчину украшают,
То в мире равных нет тому, о ком
Я речь веду. Уже в шестнадцать лет,
Когда на Рим Тарквиний шел, он всех
В бою затмил. Тогдашний наш диктатор,
Прославленный воитель, видел сам,
Как безбородый, словно амазонка,
Кай Марций гнал щетинистых врагов.
Заметив, что один из римлян ранен,
Его он заслонил своею грудью
И на глазах вождя убил троих.
Сойдясь с самим Тарквинием, свалил
Он с ног его в тот день, когда на сцене
Еще играть он мог бы роли женщин,
Но получил как первый меж мужчинами
Венок дубовый. В юность он вступил
Как зрелый муж и рос подобно морю,
В семнадцати сражениях лишив
Соратников надежды на награду.
И, наконец, у кориольских стен
И в городе сражаясь (у меня
Нет слов, достойных этого деянья!),
Он беглецов остановил и трусам
Помог своим примером превратить
В забаву страшный бой. Как острым килем
Корабль бегущий гнет траву морскую,
Так он своим мечом — печатью смерти,
Косившим всех, кого клинок коснулся,
Сминал и раздвигал ряды врагов,
Израненный от головы до пят

И стон предсмертный исторгая каждым
Своим движеньем. Он один ворвался
В губительные стены Кориол,
Кровь — знак судьбы — оставив на воротах,
Без помощи сумел оттуда выйти
И, снова с подоспевшим подкреплением
В них вторгшись, как комета, город взял.
Но тут же, чутким ухом уловив
Шум битвы вдалеке, он укрепил
Измученную плоть воспрявшим духом
И вновь на вольсков ринулся, шагая
По грудам мертвецов, как если б были
Они его несметною добычей,
И так, в крови, без отдыха сражался,
Пока не стали нашими и город,
И поле битвы.

Менений

О достойный муж!

Первый сенатор

Он заслужил те почести, какие
Ему готовим мы.

Коминий

Добычу нашу
Он оттолкнул, ценнейшие дары
Сочтя за грязь и меньшего желая,
Чем нищий мог бы дать ему; награду
За подвиги он видит в их свершенье,
Довольный тем, что каждый день рискует
Своею жизнью.

Менений

Как он благороден!

Пускай его введут.

Первый сенатор

Позвать сюда
Кориолана.

Служитель

Вот он сам идет.

Входит Кориолан.

Менений

Кориолан, сенат тебя возводит
В сан консула.

Кориолан

Готов служить сенату
Мечом и жизнью.

Менений

Обратись теперь
К народу с речью, как велит обычай.

Кориолан

Позвольте мне его не соблюсти.
Не в силах я стоять перед толпою
Полунагим и, раны открывая,
Молить ее отдать мне голоса.
Прошу, меня от этого увольте.

Сициний

Избранье без народа — незаконно,

А он не даст обычай нарушать.

Менений

Прошу, не раздражай народ напрасно,
Смирись с обрядом древним и добудь
Свой сан по установленному чину,
Как все, чей ты преемник.

Кориолан

Роль такую
Играя, покраснею я, и лучше
Народу этого не видеть.

Брут

(Сицинию)
Слышишь?

Кориолан

Мне ль хвастаться перед толпою; «Дескать,
Я сделал то да се» — и не скрывать,
Но обнажать зажившие рубцы,
Как будто ради голосов ее
Я раны получал?..

Менений

Оставь упрямство. —
Трибуны, сообщить вам поручаем
Народу о решение нашем.
(Кориолану.)
Славься
И счастлив будь, наш консул благородный!

Сенаторы

Кориолан, будь счастлив! Славься! Славься!

*Трубы.
Все, кроме Сициния и Брута, уходят.*

Брут

Вот как с народом поступить он хочет!

Сициний

Пора бы это всем понять! Он будет
Просить о том, что презирает, ибо
Просимое дает народ.

Брут

Идем
На рыночную площадь и народу,
Который ждет нас там, расскажем все.

Уходят.

СЦЕНА 3

*Там же. Форум.
Входят семь-восемь горожан.*

Первый горожанин

Да что там толковать: попроси он наших голосов, мы ему не откажем.

Второй горожанин

Ну, если захотим, то можем и отказать.

Третий горожанин

Это, конечно, наше право, но ведь этим правом мы воспользоваться-то не вправе: покажи он нам свои раны да Расскажи про свои подвиги, так мы наши языки в эти раны всунем и за них говорить начнем. Да, уж если он нам про свои благородные дела Расскажет, так нельзя же нам такое неблагородство проявить, чтоб ему в признательности отказать! Неблагодарность чудовищна; значит, неблагодарный народ — чудовище. А раз мы сами из народа, то и мы окажемся чудовищами.

Первый горожанин

Да нас и теперь из-за каждого пустяка готовы чудовищами объявить. Помните, когда мы из-за хлеба взбунтовались, он и сам не постыдился обозвать нас многоголовой чернью.

Третий горожанин

Многие нас так называли: и не за то, что головы у одних из нас черные, у других — русые, у третьих — каштановые, а у четвертых и вовсе плешивые, а за то, что умы у нас совсем уж разномастные. Честное слово, если б они разом выскочили из одного черепа, то и тогда разлетелись бы на все четыре стороны — на восток, запад, север, юг — и, продолжая двигаться по прямой, очутились бы все на одной окружности, да только в разных точках.

Второй горожанин

Вот ты как думаешь? А в какую сторону полетел бы, по-твоему, мой ум?

Третий горожанин

Ну, твой-то не так быстро из башки выберется: он в нее чересчур крепко заколочен; а если все-таки вырвется на свободу, то наверняка полетит на юг.

Второй горожанин

Это почему же именно на юг?

Третий горожанин

Да чтобы в тумане растаять: там три четверти его растворятся в гнилых испарениях, а четвертая для очистки совести вернется и поможет тебе жену подыскать.

Второй горожанин

Никак ты без своих шуточек не можешь. Да ладно, продолжай.

Третий горожанин

Так как же порешили? Отдадим ему голоса или нет? Впрочем, ничего они не изменят: большинство и так за него. А я скажу все-таки: будь он с народом помягче, не было бы человека достойнее.

*Входит **Кориолан** в одежде смирения и **Менений**.*

А вот и он сам идет в одежде смирения. Примечайте получше, как он себя с нами держать станет. Толпиться нам всем ни к чему: будем подходить к тому месту, где он стоит, по одному, по двое, по трое. Пусть каждого поодиночке попросит, чтобы каждому выпала честь собственный голос собственным языком отдать. Идите-ка за мной: я вам покажу, как мимо него проходить надо.

Все

Согласны, согласны.

Горожане уходят.

Менений

Нет, ты неправ: блюли обычай этот
Достойнейшие люди.

Кориолан

Что сказать мне?
«Мой друг...» Чума тебя возьми! Никак
На нужный лад язык я не настрою.
«Взгляни, вот раны, друг! Служа отчизне,
Я получил их в час, когда, как стадо,
Твои собратья с ревом удирали
От грохота своих же барабанов!»

Менений

О небо! Нет, не так. Проси их вспомнить
Твои заслуги.

Кориолан

Их? Мои заслуги?
К чертям! Пусть лучше обо мне забудут,
Как и о добродетели, которой
Жрецы их тщетно учат.

Менений

Ты упрямством
Испортишь все. Ну, я пойду. Прошу,
Будь с ними поприветливей.

Кориолан

Сначала
Пусть зубы вычистят себе и рожи
Умоют.

Входят двое горожан.

Вот подходят сразу двое.

Входит третий горожанин.

Вы, конечно, знаете, почему я здесь стою.

Третий горожанин

Знаем, знаем. А все-таки ответь, что же тебя сюда привело?

Кориолан

Мои собственные заслуги.

Второй горожанин

Твои собственные заслуги?

Кориолан

Да, но пришел-то я сюда не по собственной воле.

Третий горожанин

Как — не по собственной воле?

Кориолан

По собственной воле я никогда бы не стал у нищего милостыню кланчить.

Третий горожанин

Ты все-таки помни, что если мы тебе что-нибудь даем, то и от тебя кое-что надеемся получить.

Кориолан

Вот и хорошо. Тогда скажи напрямик: в какой цене у вас должность консула.

Первый горожанин

Цена ее — дружеская просьба.

Кориолан

Дружеская? Изволь. Отдай мне свой голос, приятель. А я тебе покажу свои раны, когда мы будем наедине.

(Второму горожанину.) И ты, приятель, дай мне свой голос. Что скажешь?

Второй горожанин

Он твой, доблестный воин.

Кориолан

Что ж, по рукам! Вот я и выпросил себе два достойных голоса. Благодарю за подаяние. Прощайте.

Третий горожанин

Как-то странно все это.

Второй горожанин

Если б снова пришлось... Ну, сделанного не воротишь.

Три горожанина уходят.

Входят два других горожанина.

Кориолан

Если вы настроены так, чтоб я был консулом, отдайте мне ваши голоса. Вы же видите: я одет, как полагается по обычаю.

Четвертый горожанин

Ты честно служил отечеству, но служба твоя не была честной.

Кориолан

Это что, загадка?

Четвертый горожанин

Для его врагов ты был бичом, а для его друзей — скорпионом: ты никогда не любил простого народа.

Кориолан

Значит, ты должен еще больше ценить меня за то, что я не якшался запросто с кем попало. Впрочем, я готов льстить моему названому братцу — народу, чтобы снискать его драгоценное уважение, раз он согласен его оказывать только на таком условии. Если мудрому народу милей согнутая спина, чем прямое сердце, что ж, я выучусь кланяться пониже и корчить сладкие рожи на манер тех, к кому он благоволит; словом, буду прислуживаться ко встречному и поперечному. Поэтому прошу вас: изберите меня консулом.

Пятый горожанин

Мы надеемся, что ты станешь нам другом, и охотно отдаем тебе голоса.

Четвертый горожанин

К тому же ты получил много ран, сражаясь за отечество.

Кориолан

Раз ты про них знаешь, я их показывать не буду. Я очень ценю ваши голоса и поэтому не смею их больше утруждать.

Оба горожанина

От всей души желаем: да пошлют тебе боги счастье!

Уходят.

Кориолан

О, как их голоса отрадны мне!
Нет, лучше голодать, издохнуть лучше,
Чем кланчить то, что заслужил по праву.
Зачем прошу я, стоя здесь в лохмотьях,
У Дика с Хобом голосов ненужных?[7](#)
Да потому, что так велит обычай!
Но повинуйся мы ему во всем,
Никто не стал бы пыль веков стирать
И горы заблуждений под собою
Похоронили б истину. Не лучше ль,
Чем роль шута играть, отдать и должность
И честь тому, кто ради них все стерпит?
Нет, раз я вынес половину срама,
То и другую вынесу упрямо!

*Входят еще **трое горожан**.*

А вот три голоса еще. —
Я ваших голосов прошу. Я дрался
Лишь ради них; лишь ради них ночами
Не спал; лишь ради них раз двадцать пять
Был ранен в восемнадцати сраженьях.
Свершил я много дел больших и малых
Лишь ради них. Давайте ж голоса:
Я впрямь быть консулом хочу.

Шестой горожанин

А ведь он доблестно сражался. Ни один честный человек не откажет ему в голосе.

Седьмой горожанин

Что ж, пускай будет консулом. Да пошлют ему боги счастья и да превратят его в истинного друга народа.

Все

Аминь. Пусть боги консула хранят!

Горожане уходят.

Кориолан

О, как почетны эти голоса!

Входит Менений с Брутом и Сицинием.

Менений

Твой искуc кончен. Голоса народа
Несут тебе трибуны. Остается
Тебе в одежду консула облечься,
Чтоб в ней предстать народу.

Кориолан

Это все?

Сициний

Ты выполнил обряд. Народ согласен,
Чтоб консульство ты получил. Но прежде
Твое избранье нужно утвердить.

Кориолан

В сенате?

Сициний

Да, Кориолан, в сенате.

Кориолан

Так можно мне переодеться?

Сициний

Можно.

Кориолан

Пойду сменю одежду и отправлюсь,
Вновь став самим собой, в сенат.

Менений

И я с тобой. — А вы куда, трибуны?

Брут

С народом мы побудем.

Сициний

В добрый час!

Кориолан и Менений уходят.

Достиг он цели, хоть взбешен изрядно.

Брут

Надев наряд смиренья, он все так же
Остался горд. Ты что, народ распустишь?

Входят горожане.

Сициний

Ну как, друзья? Избрали вы его?

Первый горожанин

Ему мы дали голоса.

Брут

О небо,
Да не обманет он любви народной.

Второй горожанин

Аминь. А все ж спроста мне показалось,
Что нас о них с издевкой он просил.

Третий горожанин

Конечно, он в насмешку это делал.

Первый горожанин

Нет-нет, уж просто так он говорит.

Второй горожанин

Мы все, за исключением тебя,
Нашли, что проявил он к нам презренье.
Он был обязан показать нам раны —
Следы своих заслуг перед отчизной.

Сициний

Он, несомненно, их и показал!

Горожане

(отдельные голоса)

Да кто их видел! Нет! И не подумал!

Третий горожанин

Сказал он нам, махнув с презреньем тапкой:
«Наедине я покажу вам раны.
Не позволяет мне обычай старый

Стать консулом без ваших голосов.
Поэтому вы их должны мне дать».
Когда ж мы согласились, он прибавил:
«Благодарю. Я ваши голоса
Весьма ценю, но больше делать вместе
Нам нечего». Ну не насмешка ль это?

Сициний

Но как могли вы быть настолько глупы,
Чтоб не понять его, и так по-детски
Доверчивы, чтоб голоса отдать,
Коль поняли его?

Брут

Что ж не смогли вы
Ему ответить так, как вас учили, —
Что в дни, когда он не стоял у власти,
А был еще слугой безвестным Рима,
Он к вам уже питал вражду и речи
Держал в собраниях против вас, пытаясь
Лишить плебеев вольностей и прав;
И что теперь, когда он приобрел
Влияние и силу в государстве,
Оставшись, как и встарь, врагом народа,
Беду накличут ваши голоса
На вас самих. Сказать вам было надо,
Что, хоть довольно у него заслуг
Для назначения консулом, он все же
Вам должен благодарен быть за выбор
И, позабыв вражду былую, стать
Вам другом и защитником.

Сициний

Вот если б
Ему вы наши речи повторили,
Он тут же, вспыхнув, выложил бы душу

И вы могли б добиться обещаний,
Чтобы о них при случае напомнить,
Иль, распалив его строптивый нрав,
Который не выносит принужденья,
Найти в его неистовстве предлог,
Чтоб отменить избранье.

Брут

Иль не ясно,
Что, даже в вас нуждаясь, он открыто
Вас презирал? Иль не понятно вам,
Что вас своим презреньем он раздавит,
Когда получит власть давить? Иль сердце
У вас в груди не бьется? Иль язык
Вам дан лишь для того, чтоб восставать
На разум?

Сициний

Или не случилось вам
Ни разу отказать тому, кто просит?
Зачем же вы отдали голоса
Тому, кто не просил вас, а смеялся
Над вами?

Третий горожанин

Он еще не утвержден.
Его отвергнуть можно.

Второй горожанин

И отвергнем!
Я сам уговорю пять сотен граждан!

Первый горожанин

Я — тысячу, и с ними их друзей.

Брут

Ступайте объясните им, что избран
Был вами тот, кто втайне замышляет
Вас вольностей и голосов лишить,
Как псов, которых бьют за лай, хоть держат,
Чтоб лаяли.

Сициний

Плебеев созовите
Для обсужденья дела и отмены
Избранья безрассудного. Сошлитесь
На то, как он спесив и вам враждебен,
На то, с каким презрением одежду
Смиренья он носил и как глумился
Над вами, голосов прося. Скажите,
Что только память о его заслугах
Понять вам помешала непристойность
Его язвительных речей, внушенных
Закоренелой злобой к вам.

Брут

Свалите
Вину на нас, трибунов ваших, — дескать,
Мы сами, возраженьям не внимая,
Склоняли вас его избрать.

Сициний

Скажите,
Что вами избран он не добровольно,
А по приказу нашему; что занят
Был разум ваш не тем, что вам хотелось,
А тем, что надлежало сделать вам;
И вышло так, что нехотя избрали
Вы консулом его. Вините нас.

Брут

Да, не щадите нас. Другьям скажите,
Как часто мы втолковывали вам,
Что с юности до нынешнего дня
Он родине служил; что происходит
Он из семьи тех Марциев, которой
Дан римлянам четвертый царь — Анк Марций,
Великого Гостилия преемник
И Нумы внук по матери своей,
А также Квинт и Публий, кем построен
Водопровод, чтоб Рим снабжать водой,
И Цензорин, любимец бедняков,
Себе прозвание это заслуживший
Тем, что был дважды цензором.

Сициний

Скажите,
Что постоянно мы твердили вам
Не только о его происхожденье,
Но и о дарованиях его,
На консульство ему дающих право;
Однако, взвесив все его поступки
Как в прошлом, так и в день голосованья,
Вы поняли, что он — ваш враг заклятый,
И отменили свой поспешный выбор.

Брут

Да посильней при этом напирайте
На то, что вы без наших настояний
Его бы не избрали никогда.
А после, голоса собрав, спешите
На Капитолий.

Горожане

Так мы и поступим.
Уже почти что все теперь жалеют
О выборе недавнем.

Уходят.

Брут

Пусть идут!
Нам их подбить на бунт не так опасно,
Как ждать, пока не грянет неизбежно
Другой мятеж, во много раз страшней.
Коль взбесит Марция, что несомненно,
Лишение сана, это может пользу
Нам принести.

Сициний

Идем на Капитолий,
Покуда плебс туда волной не хлынул.
Пусть бунт, к которому мы подстрекнули,
Предстанет (так оно и есть отчасти)
Как дело рук народа самого.

Уходят.

АКТ III

СЦЕНА 1

Улица в Риме.

Рожки. Входят Кориолан, Менений, Коминий, Тит Ларций, сенаторы и патриции.

Кориолан

Итак, вновь поднял голову Авфидий?

Ларций

Да, поднял. Потому нам и пришлось
Поторопиться с заключением мира.

Кориолан

И, значит, вольскам нужен только случай,
Чтобы опять напасть на нас?

Коминий

Нет, консул.
Они истощены, и не придется
До смерти видеть нам, как их знамена
Кольшатся.

Кориолан

(Ларцию)

Авфидия ты видел?

Ларций

Ко мне с охранной грамотой пришел он,
Кляня сограждан, подло сдавших город,
И удалился в Анциум затем.

Кориолан

И говорил он обо мне?

Ларций

Да.

Кориолан

Что да?

Ларций

Что скрещивали вы мечи не раз,
Что он тебя смертельно ненавидит,
Что в безвозвратный долг отдать готов
Все, чем владеет, лишь бы победить
Тебя в бою.

Кориолан

Он в Анциуме ныне?

Ларций

Да.

Кориолан

Я хотел туда б к нему пробраться,
Чтоб ненависть его опять сломить. —
Тебя же с возвращеньем поздравляю.

Входят Сициний и Брут.

А, вот они, трибуны, горло черни!
Я презираю их за чванство властью,
Которое невыносимым стало
Для нас, патрициев.

Сициний

Ни шагу дальше!

Кориолан

Как? Почему?

Брут

Идти вперед опасно.

Кориолан

Что тут еще за новости?

Менений

В чем дело?

Коминий

Ведь он же избран знатью и народом.

Брут

Нет.

Кориолан

Кто ж тогда голосовал? Мальчишки?

Первый сенатор

Прочь! Он идет на рыночную площадь.

Брут

Он прогневил народ.

Сициний

Назад, иль бунта
Теперь не миновать.

Кориолан

Вот ваше стадо!
Вот что бывает, если голос дать
Тем, кто от слов своих готов отречься!
Куда ж трибуны, глотки черни, смотрят?
Зачем не сжали зубы ей? Иль сами
Их наострили?

Менений

Полно, успокойся.

Кориолан

Тут заговор умышленно устроен,
Чтоб волю плебса знати навязать.
Что ж, покоритесь, поживите с теми,
Кто неспособен властвовать, но власти
Не признает.

Брут

Тут заговора нет.
Народ кричит, что ты над ним глумился,
Что порицал раздачу хлеба даром,
Что обзывал защитников народа

Подлизами и недругами знати.

Кориолан

Давно известно это всем.

Брут

Не всем.

Кориолан

Так ты им это разболтал?

Брут

Кто? Я?

Коминий

На это ты способен.

Брут

Я способен
На лучшее, чем лучшие из вас.

Кориолан

Тогда к чему мне консульство? Клянусь
Вон той высокой тучей, мне удобней
Стать вашим сотоварищем-трибуном,
По низости вам равным.

Сициний

Слишком много
В тебе того, что в гнев народ приводит.
Уж если ты достичь желаешь цели,

Так спрашивай учтивей о дороге,
Которой к ней приходят и с которой
Ты сбился, а не то оставь надежды
Быть консулом иль хоть трибуном.

Менений

Полно.

Коминий

Народ обманут. Недостойны Рима
Все эти плутни, и Кориолан
Не заслужил, чтоб заграждала ложь
Ему дорогу славы.

Кориолан

Хлеб он вспомнил!
Да, так я говорил и вновь скажу...

Менений

Но позже, позже.

Первый сенатор

Слишком ты взволнован.

Кориолан

Нет, жизнью в том клянусь, скажу сейчас.
Достойные друзья, меня простите,
Но черни смрадной и непостоянной
Я льстить не в силах. Пусть она увидит
Себя в моих речах. Я повторяю,
Что, потакая ей во зло сенату,
Мы сами сеем сорную траву
Бесчинств и бунтов, для которой почву

Вспахали и удобрили мы сами,
Себя поставив с чернью наравне,
Смешавшись с ней и поступаясь властью
В угоду подлым нищим.

Менений

Перестань.

Первый сенатор

Прошу: ни слова больше.

Кориолан

Что? Ни слова?
В боях, где кровь за родину я пролил,
Врагов я не страшился и теперь
Не усташусь, пока есть сила в легких,
Клеймить словами этих прокаженных,
Которым мы идем навстречу сами,
Хоть избегать их надо.

Брут

О народе
Ты смеешь отзываться так, как будто
Ты не такой же слабый человек,
А божество карающее.

Сициний

Стоит
Твои слова пересказать народу.

Менений

Не смей! Ему внушил их гнев.

Кориолан

Что? Гнев?

Да будь спокойней я, чем сон полночный,
Клянусь богами, я бы думал так же.

Сициний

Ну, эта дума лишь тебя отравит,
А для других безвредна будет.

Кориолан

«Будет! «

Вы слышите, как властно кинул «Будет!»
Тритон плотвы всем нам?

Коминий

Но это слово
Отнюдь не противозаконно.

Кориолан

«Будет!»

О добрый и почтенный, но безвольный
И непредусмотрительный сенат!
Как мог ты допустить, чтоб проходимцы,
Став трубным гласом черни, этой гидры,
Поток твоих решений, как запруда,
В болото направляли дерзким «Будет!»
Коль власть у них, тогда, отцы, склонитесь
Пред ними головой недальновидной,
А если нет, то гибельную слабость
Пора отбросить. Если мудры вы,
То не уподобляйтесь недоумкам;
А если глупы, то сажайте их
С собою рядом на подушки ваши.
Вы с плебсом, видно, местом поменялись,

Раз голосом его в совете общем
Ваш голос заглушен. Избрала чернь
Сановников себе, как, скажем, этот,
Бросающий запанибрата «Будет!»
В лицо такому славному собранью,
Какого даже Греция не знала.
Он консулов унизил, видит небо!
И я скорблю душою, ибо знаю,
Что стоит лишь возникнуть двум властям,
Как смута проберется в щель меж ними,
Одной другую подорвав.

Коминий

Довольно!
Идем на площадь!

Кориолан

Кто б ни дал совет
Раздать бесплатно хлеб, как иногда
И греки делали...

Менений

Прошу, довольно!

Кориолан

...(Хоть у народа больше прав там было),
Я повторяю: тот своим советом
Вскормил непослушанье и мятеж
На гибель государству.

Брут

Неужели
Народ подаст свой голос за того,
Кто это говорит?

Кориолан

Я приведу
Вам доводы ценней, чем этот голос.
Плебеям ли не знать, что не в награду
Был роздан хлеб, которого они
Не заслужили? Кто как не народ,
Когда его мы звали на войну
С врагом, грозившим сердцу всей отчизны,
Не пожелал и за ворота выйти?
А на войне чем проявил он храбрость?
Одними бунтами да мятежами.
Едва ль и те пустые обвиненья,
Которые он предъявлял сенату,
На щедрый дар ему давали право.
И что ж? Как понял доброту сената
Желудок черни? Все ее поступки
Нам говорят яснее слов: «Нас много.
Мы захотели хлеба — и со страху
Нам дали хлеб». Унизили мы сами
Свою же власть и побудили чернь
Почесть за трусость наше снисхождение.
Оно взломает скоро дверь сената,
И вороны туда ворвутся стайей
И заклюют орлов.

Менений

Молчи! Довольно!

Брут

И даже с лишком!

Кориолан

Нет, скажу еще,
Скрепив свои слова любой клятвой —

Небесной иль земною. — Двоевластье,
Когда одни правители с презреньем
По праву смотрят на других, а те
Поносят первых вовсе без причины,
Когда важней, чем сан, рожденье, мудрость,
Невежественный голос большинства, —
Такое двоевластье неизбежно
К забвению потребностей насущных
И к общему разброду приведет.
Там, где преграждена дорога к цели,
Недостижима цель.

(Сенаторам.)

А потому
Молю я вас, людей не столько робких,
Сколь осторожных; вас, кто больше любит
Порядок, чем боится перемен;
Вас, для кого важней прожить достойно,
Чем долго; вас, кто предпочесть способен
Опасное лекарство верной смерти, —
Немедля вырвите язык толпе,
Чтоб не лизала сладостной отравы.
Иначе унижение сената,
Заставив смолкнуть здравый смысл, разрушит
Единство, без которого нет власти.
Коль зло поработит ее, она
Служить добру не сможет.

Брут

Все нам ясно!

Сициний

Он как изменник говорил и будет
За это как изменник отвечать!

Кориолан

Мерзавец! Ты от злости раньше лопнешь!

Затем ли мы трибунов черни дали,
Чтоб эти облысевшие прохвосты
Ее учили неповиновенью?
Она избрала их во время бунта,
Когда не долг законом был, а сила.
Но времена бесчинства миновали.
Воскликнем же: «Пусть торжествует право!» —
И власть трибунов превратим во прах.

Брут

Измена налицо!

Сициний

И это — консул?
Ну, нет!

Брут

Сюда, эдилы!

Входит эдил.

Взять его!

Сициний

Зови народ.

Эдил уходит.

А ты задержан мною
От имени народа как изменник,
Как враг его. Зову тебя на суд
И обвиняю.

Кориолан

Прочь, седой козел!

Сенаторы и прочие

Мы за него ручаемся.

Коминий

Старик,
Не смей его касаться!

Кориолан

Прочь, иль кости
Твои гнилые из одежды грязной
Я вытрясу.

Сициний

Сограждане, на помощь!

Входят эдилы с толпой горожан.

Менений

Опомнитесь вы оба!

Сициний

Горожане,
Вот тот, кто хочет власть у вас отнять!

Брут

Хватай его, эдилы!

Горожане

Смерть ему! —

Долой его! — Покончить с ним!

Сенаторы и прочие

К оружию!

Все с криком окружают Кориолана.

Патриции!.. Сograждане!.. Трибуны!..
Сициний!.. Брут!.. — Кориолан!.. — Пойдите!..
На помощь!.. — Успокойтесь!.. — Тихе, тихе!..

Менений

Что происходит здесь? Я задыхаюсь.
Беда близка, а говорить нет сил!
Кориолан, трибуны, успокойтесь!
Уйми народ, Сициний добрый!

Сициний

Тихе!
Сograждане, послушайте меня!

Горожане

Послушаем трибуна. — Тихе, тихе!

Сициний

Вам всем грозит беда: задумал Марций,
Которого вы консулом избрали,
Отнять у вас свободы ваши.

Менений

Тьфу!
Не тушишь ты пожар, а разжигаешь!

Первый сенатор

Безумец, ты разрушить город хочешь?

Сициний

А что такое город? Наш народ.

Горожане

Он дело говорит: народ есть город.

Брут

Народ нам поручил единодушно
Быть судьями от имени его.

Горожане

И оставайтесь ими.

Менений

Да, конечно.

Коминий

Да, оставайтесь, чтоб разрушить город,
Сравнять его с землею и порядок
Похоронить под грудями развалин!

Сициний

За речь свою достоин Марций смерти.

Брут

Иль отстоим мы нашу власть сейчас,
Иль потеряем. — Именем народа,

Который нас избрал, постановляем:
Немедля Марций будет предан казни.

Сициний

А потому изменника хватайте,
Тащите на Тарпейскую скалу
И сбросьте в пропасть.

Брут

Взять его, эдилы!

Горожане

Сдавайся, Марций!

Менений

Дайте мне сказать!
Я слова требую, трибуны!

Эдилы

Тише!

Менений

Считается, что вы друзья отчизны.
На деле докажите это. Взвесьте
Без гнева и без спешки то решение,
Что ярость вам внушила.

Брут

Хладнокровно,
Но медленно оказанная помощь
Опасней, чем отравы для больного,
Когда недуг смертелен. — Взять его

И на скалу стащить!

Кориолан

(обнажая меч)

Нет, здесь умру я!

Кой-кто из вас видал, как я сражаюсь.

Ну что ж, проверьте это на себе.

Менений

Да спрячь ты меч! — Трибуны, отойдите
Хоть на минуту.

Брут

Взять его.

Менений

На помощь!

Кто благороден, будь он стар иль молод, —

Все Марцию на помощь!

Горожане

Бей его!

Общая схватка. Трибунов, эдилов и народ прогоняют.

Менений

(Кориолану)

Ступай домой, иначе все погибло!

Второй сенатор

Да-да, иди скорее.

Коминий

Нет, останься:
Друзей у нас не меньше, чем врагов.

Менений

Ужель польется кровь?

Первый сенатор

Да не допустят
Такого боги. — Благородный друг,
Прошу, иди домой и все уладить
Нам предоставь.

Менений

Ведь рану нанесли
Нам всем, и ты один ее не сможешь
Перевязать. Ступай.

Коминий

Мы за тобою.

Кориолан

Зачем они не варвары, которым
Они подобны, хоть родились в Риме,
А римляне, с которыми ничем
Не схожи, хоть зачаты у подножья
Холма Капитолийского?

Менений

Иди.
Заставь молчать свой правый гнев и верь:
Наступит час возмездья.

Кориолан

Я свалил бы
В бою таких с полсотни.

Менений

Да и я бы
Пришиб двух лучших — парочку трибунов.

Коминий

Но здесь нас чернь своим числом подавит.
Стоять же пред готовым рухнуть зданьем —
Не мужество, а просто безрассудство.
Уйди, пока толпа не возвратилась
И все, пред чем обычно отступала,
Не смысла, как разлив, плотину.

Менений

Скройся,
Чтоб попытаться мог мой старый ум
Унять безумных. Если рвется платье —
Любой лоскут пригоден для заплаты.

Коминий

Идем.

Кориолан, Коминий и другие уходят.

Первый патриций

Он слишком прям, чтоб в мире с миром жить.
Нептун трезубцем и Юпитер громом
И те его польстить им не принудят.
Мысль у него со словом нераздельна:
Что сердце скажет, то язык повторит.
Позабывает он в минуты гнева,

Что значит слово «смерть».

За сценой шум.

Ну, будет дело.

Второй патриций

Желал бы я их уложить в постели.

Менений

А я бы — в Тибр. Ах, черт! Зачем он не был
Повежливее с ними!

Входят Брут и Сициний с толпой плебеев.

Сициний

Где ехидна,
Где тот, кто Рим задумал обезлюдить,
Чтоб в нем царить?

Менений

Почтенные трибуны...

Сициний

Он будет сброшен со скалы Тарпейской,
Затем что воспротивился закону
И потому законом без суда
Передается в руки строгой власти,
С которой не считался.

Первый горожанин

Пусть узнает,
Что наши благородные трибуны —

Уста народа, мы же — руки их.

Горожане

Да-да, пускай!

Менений

Послушайте...

Сициний

Умолкни!

Менений

Зачем кричать: «Трави!» — когда медведя
Взять и без боя можно?

Сициний

Для чего
Ему помог ты скрыться?

Менений

Дай сказать. —
Не хуже, чем достоинства, известны
Мне недостатки консула.

Сициний

Какого?

Менений

Кориолана.

Брут

Консул? Он?

Горожане

Нет, нет!

Менений

Могу ль я, люди добрые, сказать
С согласия трибунов два-три слова,
Которые лишь несколько минут
У вас отнимут?

Сициний

Говори, но кратко:
С изменой ядовитою покончить
Нам нужно быстро. Если мы изгоним
Предателя — опасность нам грозит,
А если здесь его оставим — гибель.
Сегодня он умрет.

Менений

Да не потерпят
Бессмертные, чтоб Рим, чью благодарность
К его сынам, себя покрывшим славой,
Заносит сам Юпитер в книгу судеб,
Пожрал своих же собственных детей,
Бесчувственному зверю уподобясь.

Сициний

Он язва. Надо вырезать ее.

Менений

Он член, который язва поразила.

Лечить его легко, отсечь — смертельно.
Чем заслужил он казнь, чем Рим обидел?
Тем, что громил его врагов? Иль тем,
Что за отчизну пролил больше крови,
Чем в жилах у него теперь осталось?
Пролив ее остаток, вы навеки
На всех, кто это допустил иль сделал,
Положите пятно.

Сициний

Слова пустые!

Брут

И вздорные. Народом был он чтим,
Пока любил отчизну.

Менений

Разве ногу,
Служившую нам верно, мы не ценим,
Когда ей омертветь случится?

Брут

Хватит. —
К нему домой ступайте и сюда
Его тащите, чтоб заразе этой
Не дать распространиться.

Менений

Стойте, стойте! —
Позвольте мне сказать еще хоть слово.
За Марцием вы гонитесь, как тигры.
Когда ж поймете, чем грозит поспешность,
То вам придется к пяткам привязать
Свинцовый груз, но будет слишком поздно.

Пусть суд решит судьбу Кориолана,
Не то начнется смута (он любим!)
И римлянами будет Рим разгромлен.

Брут

Ну, если так...

Сициний

Да что нам тут болтают?
Мы видим, как закону он послушен!
Кто бил эдилов? Кто сопротивление
Трибунам оказал? — За ним идите...

Менений

Но вспомните, что на войне он рос
С тех пор, как меч поднять рукою может,
Что выбирать слова он не приучен,
А потому их сыплет без разбора,
Как отруби с мукою вперемешку.
Позвольте мне пойти за ним. Ручаюсь,
Что явится он в суд, где по закону
На обвиненье грозное спокойно
Ответит.

Первый сенатор

Благородные трибуны,
Вот это человеческое решение.
Другой же путь кровав, и хоть известно
Его начало, но конец неведом.

Сициний

Тогда, Менений благородный, действуй
От имени народа.
(Народу.)

Эй, на время
Сложить оружие!

Брут

Но не расходиться!

Сициний

Мы подождем на площади тебя,
Но если ты без Марция вернешься,
Он будет силой взят.

Менений

Я с ним вернусь.
(Сенаторам.)
Прошу меня сопровождать. Он должен
Прийти, иль все пропало.

Первый сенатор

Да, идемте!

Уходят.

СЦЕНА 2

*Комната в доме Кориолана.
Входят **Кориолан и патриции.***

Кориолан

Пусть мне они грозят колесованьем
Иль смертью под копытами коней;
Пусть друг на друга десять скал Тарпейских

Нагромоздят, чтоб я не видел дна
Пред тем, как буду сброшен, — все таким же
Останусь с ними я.

Первый патриций

Ты благороден!

Кориолан

Я удивлен
Лишь тем, что мать меня не одобряет,
Хотя она всегда их называла
Скотами грубошерстными,⁸ чье дело
Из-за гроша на рынке торговаться
Да с непокрытой головой в собраниях
Зевать,⁹ молчать и слушать с изумленьем
Все то, что кто-нибудь из равных мне
По поводу войны иль мира скажет.

Входит Волумния.

Речь о тебе идет. Зачем ты хочешь,
Чтоб я своей природе изменил
И мягче стал? Уж лучше пожелай
Мне быть таким, каков я есть.

Волумния

Мой сын,
Сперва облечься нужно в пурпур власти,
А уж потом изнашивать его.

Кориолан

К чему беречь лохмотья!

Волумния

Ты бы мог
Остаться тем, чем создан, если б меньше
Врагам стремился это показать.
Их ненависть к тебе была б слабее,
Сумей ты скрыть намеренья свои
До дня, когда уже никто не смел бы
Тебе мешать.

Кориолан

На виселицу чернь!

Волумния

И даже на костер.

Входят Менений и сенаторы.

Менений

Сознайся: ты был резок, слишком резок.
Вернись и попытайся все исправить.

Первый сенатор

Иного средства нет. Иди, иль смута
Расколет Рим и город наш погибнет.

Волумния

Прошу тебя, последуй их совету.
Как ты, я сердцем тоже непреклонна,
Но все-таки, когда необходимо,
Рассудок мой умеет гнев смирять.

Менений

Ты хорошо сказала, госпожа!
Не требуй лихорадочное время

Для родины столь горького лекарства,
Я сам надел бы через силу латы,
Чтоб друга убересть от унижений
Пред этим стадом.

Кориолан

Что я должен сделать?

Менений

Со мной к трибунам выйти.

Кориолан

Что еще?

Менений

Пред ними осудить свои слова.

Кориолан

Пред ними? Нет, я этого б не сделал
Не то что перед ними — пред богами!

Волумния

Ты слишком неуступчив. Благородству
Приходится пред голосом нужды
Порой смолкать. Ты говорил мне сам,
Что хитрость и отвага на войне —
Подруги неразлучные. Зачем же
Им ссориться в дни мира, причиняя
Друг другу вред?

Кориолан

Молчи!

Менений

Вопрос разумен.

Волумния

Раз на войне притворство не бесчестно
И помогает нам прийти к победе,
То почему несовместимо с честью
Оно теперь, при мире, если пользу
Приносит нам?

Кориолан

К чему ты речь ведешь?

Волумния

К тому, что должен ты поговорить
С народом, но не так, как ты хотел бы,
Не так, как сердце гневное подскажет,
А с помощью пустых, холодных слов,
Которые, чтоб мысль вернее скрыть,
Язык рождает как детей побочных.
Поверь, мой сын, что это не бесчестней,
Чем город словом увещанья взять,
Вместо того чтоб добывать победу
Рискованной кровавою осадой.
Стой жизнь моя или друзей на карте,
И я была б готова притворяться,
Не видя в том бесчестья. Я, твой сын,
Жена, сенат, патриции — все просят
Тебя об этом. Ты ж предпочитаешь
Чернь раздражать нахмуренным челом,
Чем ей польстить улыбкою хоть раз,
Чтобы снискать ее расположение,
А без него — и ты об этом знаешь —
Погибло все.

Менений

Достойная жена!

(Кориолану.)

Иди же с нами. Ласковою речью
Ты отвратишь грозящую опасность
И то, что потерял, вернешь.

Волумния

Мой сын,
Прошу, иди к ним, шапку сняв. Держи
Ее в руке — вот так, отставив локоть
(Как делают они). Слегка коснись
Коленями камней (в таких делах
Движение красноречивей слов:
Ведь зренье у невежд острее слуха)
И головой качай, смиряя сердце,
Которое нажима не выносит,
Как шелковицы спелые плоды.
Затем напомни им, что ты их воин,
Что, вскормленный в боях, ты не привык
К учтивости, которой с полным правом
Они потребовали от тебя,
Раз ты от них приязни добивался,
И обещай толпе, что будешь впредь
Приноровляться к ней, насколько сможешь.

Менений

Ты только сделай то, что мать сказала, —
И все сердца — твои, затем что чернь
(Когда ее попросят) на прощенье
Щедра не меньше, чем на пустословье.

Волумния

Молю тебя, послушайся совета,

Хоть знаю, что скорее за врагом
Ты бросишься в пылающую бездну,
Чем станешь льстить ему в саду цветущем.

Входит Коминий.

Гляди, пришел Коминий.

Коминий

Я спешу
К вам с площади. Кориолан, готовься
Иль силу силой встретить, иль смириться,
Или бежать. Восстал уже весь город.

Менений

Всего два слова ласковых...

Коминий

Да-да,
Они помогут, если он сумеет
Себя смирить.

Волумния

Он должен — значит, сможет.
Мой сын, я твоего согласия жду.

Кориолан

Итак, я должен черни показать,
Что голову пред нею обнажаю?
Я должен заставлять язык бесстыдный
Позорить ложью доблестное сердце?
Что ж, я пойду, но знайте: если б дело
Шло лишь о смерти этой плотской формы,
В которой Марций заключен, то я

Скорее дал бы раздробить ее
И прах развеять, чем... Идем на площадь,
Хотя я никогда не справлюсь с ролью,
Навязанною вами.

Коминий

Мы подскажем.

Волумния

Мой милый сын, ты говорил, что доблесть
В тебя вселили похвалы мои.
Прошу тебя, коль вновь их хочешь слышать:
Исполни роль, которой не играл.

Кориолан

Да будет так. Прощай, мой гордый дух!
Пускай во мне живет душонка шлюхи!
Пусть голос мой, который покрывал
Раскаты барабанов, станет дудкой
Пискливой, как фальцет скопца, и слабой,
Как пенье няньки над младенцем сонным!
Пусть искривит холопская улыбка
Мои уста; пусть отуманят слезы
Наказанного школьника мой взор;
Пусть у меня шевелится во рту
Язык бродяги нищего и пусть
Мои броней прикрытые колени,
Которые лишь в стременах сгибались,
Согнутся, как у попрошайки! Нет!
Не в силах лгать я пред самим собою,
Не дам я телу подлость совершить,
Чтоб душу к ней не приучать!

Волумния

Как хочешь!

Проя тебя, унилась я больше,
Чем мог бы ты унижаться пред чернью.
Пусть все гибнет. Матери твоей
Пасть жертвой гордости сыновней легче,
Чем ждать с тоской последствий роковых
Упрямства твоего. Я, как и ты,
Смеюсь над смертью. Поступай как знаешь.
Ты с молоком моим всосал отвагу,
Но гордость приобрел ты сам.

Кориолан

Ну, полно
Бранить меня. Утешься, мать. Я выйду
На рыночную площадь и любовь,
Как шут кривляясь, выклянчу у плебса
И возвращусь, его сердца похитив,
Кумиром римских лавочников. Видишь —
Я ухожу. Поклон моей супруге.
Я консулом вернусь, а если нет,
То больше не надейся, что способен
На лесть и мой язык.

Волумния

Тебе виднее.
(Уходит.)

Коминий

Идем. Трибуны ждут. Ты постарайся
Их кротостью обезоружить, ибо,
Как я слышал, их обвиненья будут
Куда серьезней прежних.

Кориолан

Ну, идем.
Пароль мой — кротость. Пусть любую ложь
Они возводят на меня, отвечу

Я им по чести.

Менений

Да, но только кротко.

Кориолан

О да, конечно, кротко, очень кротко.

Уходят.

СЦЕНА 3

Там же. Форум.

Входят Сициний и Брут.

Брут

Доказывай особенно ретиво,
Что он хотел тираном стать, а если
Он это опровергнет, напирай
На давнюю его вражду к народу,
Из-за которой он еще не роздал
Добычи, отнятой у анциатов.

Входит эдил.

Ну что, придет?

Эдил

Уже идет.

Брут

Кто с ним?

Эдил

Старик Менений, друг его, и кучка
Сенаторов, к нему благоволящих.

Сициний

С тобой ли поименный список тех,
Чьи голоса мы получили?

Эдил

Вот он.

Брут

Ты граждан опросил по трибам?[10](#)

Эдил

Да.

Сициний

Сзывай народ и растолкуй ему,
Чтоб он, как только я провозглашу:
«Да будет так во имя прав народных!»
И крикну: «Пеня!», «Смерть!» или «Изгнание!» —
Подхватывал за мною хором: «Пеня!»
При слове «пеня», «Смерть!» — при слове «смерть»,
На вольности старинные ссылаясь,
Равно как и на правоту свою.

Эдил

Я так и передам.

Брут

Пусть, крик подняв,
Не умолкают более плебеи,
Покуда этим шумом не заставят
Наш приговор исполнить.

Эдил

Понимаю.

Сициний

И пусть, как только знак мы подадим,
Без колебаний действуют.

Брут

Ступай.

Эдил уходит.

Ты сразу же взбесить его попробуй.
Привык он всюду, в том числе и в спорах,
Быть первым. Если разозлить его,
Он начисто забудет осторожность
И выложит нам все, что есть на сердце
Тяжелого. А там его довольно,
Чтоб Марцию хребет переломить.

*Входят **Кориолан, Менений, Коминий, сенаторы и патриции.***

Сициний

Да вот он сам.

Менений

Прошу тебя, будь сдержан.

Кориолан

Да, буду, словно конюх, за гроши
Любую брань глотающий. — О боги,
Храните Рим! Судейские скамьи
Заполните достойными мужами!
Любовь меж нас посейте, чтобы мы
В обширных храмах прославляли мир,
А не дрались на улицах!

Первый сенатор

Аминь.

Менений

Желанье благородное.

Входит эдил с горожанами.

Сициний

Приблизьтесь,
Сограждане.

Эдил

Трибунам слово! Тише!

Кориолан

Сначала мне.

Оба трибуна

Что ж, говори.
(Горожанам.)
Эй, тихо!

Кориолан

Все ль обвиненья мне предъявят здесь
И здесь ли будет дело решено?

Сициний

Сперва ответь: готов ли подчиниться
Ты волеизъявлению народа,
Признать права трибунов и принять
Законное возмездье за поступки,
В которых будешь уличен?

Кориолан

Готов.

Менений

Народ, ты слышишь? Он сказал; «Готов».
Подумай о его заслугах ратных,
Припомни, что на теле у него
Не меньше шрамов, чем камней надгробных
На кладбище священном.

Кориолан

Пустяки!
Царапины ничтожные!

Менений

Пойми,
Что хоть в речах он гражданин плохой,
Зато в бою — твой самый верный воин.
Не принимай за злобу резкость, ибо
Тебе, как я сказал, он не враждебен,
А просто по-солдатски груб с тобой.

Коминий

Об этом хватит.

Кориолан

Пусть народ расскажет,
За что, меня избрав единогласно,
Он отменил свой выбор, чем нанес
Бесчестье мне?

Сициний

Не мы, а ты — ответчик.

Кориолан

Ты прав. Ответ — за мною. Говори.

Сициний

Тебя мы обвиняем в том, что ты
Пытался стать тираном, ниспровергнув
Законы и правопорядок в Риме.
Поэтому тебя мы объявляем
Изменником народу.

Кориолан

Я — изменник?!

Менений

Спокойней! Вспомни, что ты обещал нам.

Кориолан

Испепели народ, о пламя ада!

Изменник? Я? Трибун, ты клеветник!
Когда б гнездилось целых двадцать тысяч
Смертей в твоих глазах, когда б зажал
Ты двадцать миллионов их в руках
И столько же на лживом языке
Таилось у тебя, то и тогда бы
Сказал я: «Лжешь!» — не с большею боязнью,
Чем я молюсь богам.

Сициний

Народ, ты слышишь?

Горожане

Тащите на скалу его!

Сициний

Молчать!
Нам нет нужды в дальнейших обвиненьях.
Его дела и речи вам известны:
Он бил эдилов ваших, вас ругал,
С мечом в руке противился закону,
А ныне издевается над теми,
Кто властью облечен судить его.
Все это столь преступно, что повинен
Он в явной государственной измене
И смерти подлежит.

Брут

Но так как Риму
Служил он честно...

Кориолан

Что болтать о службе!

Брут

Я говорю о том, что знаю.

Эдил

Уходит он! Уходит враг народа?

Горожане

Врага изгнали! Он уходит! У!..
(Кричат и бросают шапки вверх.)

Сициний

Последуйте за ним к воротам Рима
И с той же самой злобою, какою
Преследовал он вас, над ним посмейтесь. —
А мы пройдем со стражей через город.

Горожане

Да сохранят трибунов наших боги!
Проводим до ворот его! — Пошли!

Уходят.

АКТ IV

СЦЕНА 1

Перед воротами Рима.

Входят Кориолан, Волумния, Виргилия, Менений, Коминий и несколько молодых патрициев.

Кориолан

Не плачьте. Пусть прощанье будет кратким.
Скотом бодливым и многоголовым
Из города я вытолкнут. — О мать,
Где мужество твое бывшее? Прежде
Твердила ты, что бедствия большие
Для сильных духом служат пробным камнем,
А заурядный человек способен
Сносить лишь заурядные несчастья —
Ведь по морю безбурному плывут
Любые корабли с успехом равным —
И что лишь тот, кто мудр и благороден,
Умеет сохранять невозмутимость
Под злейшими ударами судьбы.
Ты мне сама внушила эти мысли —
Залог непобедимости души,
Воспитанной на них.

Виргилия

О небо, небо!

Кориолан

Жена, прошу тебя...

Волумния

Да истребит
Багровая чума весь римский люд
Торговый и мастеровой!

Кориолан

Зачем?
Когда исчезну я, меня оценят.
Мать, ободрись. Ведь ты же говорила,
Что ты, будь Геркулес твоим супругом,
Шесть подвигов сама бы совершила,
Чтоб облегчить его труды. — Прощайте,
Жена и мать. — Не унывай, Коминий,
А я не пропаду. — Менений верный,
Твоя слеза скупая солонее,
Чем слезы молодых. Она отравя
Для старых глаз.

(Коминию.)

Мой бывший полководец,
Я помню, ты умел взирать бесстрастно
На сердце леденившие картины.
Втолкуй же этим женщинам печальным,
Что плакать при ударах неизбежных
Не менее нелепо, чем смеяться. —
Ты знаешь, мать, что мужество мое
Тебе всегда служило утешеньем.
Так верь, хоть ухожу я одинокий,
Как в логове дракон, который сеет
Повсюду ужас тем, что он невидим
И людям лишь по рассказням знаком, —
Что над толпой возвысится твой сын,
Коль хитростью ее не будет сломлен.

Волумния

Мой первенец, куда же ты пойдешь?
Пускай проводит добрый наш Коминий

Тебя немного. Тщательно обдумай
Свой путь, чтобы опасностям случайным
На нем не подвергаться зря.

Кориолан

О боги!

Коминий

Сопровождать тебя я буду месяц,
А там увидим, где тебе остаться,
Так, чтоб могли мы вести слать друг другу
И чтоб потом, когда приспее время
Потребовать возврата твоего,
Нам не пришлось разыскивать тебя
По белу свету, ибо проволочка
Со стороны просителя способна
Расхолодить дающих.

Кориолан

Нет, прощай!
Немолод ты и чересчур пресыщен
Трудами боевыми, чтоб скитаться
С тем, кто их алчет. У ворот простимся. —
Жена и мать, любимые мои,
И вы, друзья чистейшей, лучшей пробы,
Идем. Как только выйду из ворот,
Скажите: «В добрый час!» — и улыбнитесь.
Прошу, идем. Пока топчу я землю,
К вам постоянно будут приходить
Известья обо мне, но никогда
Не скажут вам, что Марций стал иным,
Чем раньше был.

Менений

Не приходилось слышать

Мне слов, достойней этих. Полно плакать.
Идем... Эх, если б с этих старых плеч
Стряхнуть десяток лет, клянусь богами,
Я всюду за тобою неотступно
Последовал бы.

Кориолан

Руку дай. — Идем.

Уходят.

СЦЕНА 2

*Там же. Улица поблизости от ворот.
Входят два трибуна — Сициний и Брут. С ними Эдил.*

Сициний

Всех по домам отправь. Он удалился.
И этого довольно. Ропщет знать,
Которая была с ним заодно.

Брут

Поставив на своем, мы показали,
Что мы сильны. Теперь держаться надо
Скромней, чем раньше.

Сициний

Пусть идут домой.
Скажи, что главный их противник изгнан
И власть плебеев вновь, как встарь, крепка.

Брут

(эдилу)

Всем разойтись вели.

Эдил уходит.

*Входят **Волумния, Вергилия и Менений.***

Вон мать его.

Сициний

Свернем-ка мы с дороги.

Брут

Почему?

Сициний

Да говорят, она ума решилась.

Брут

Нет, поздно уходить: нас увидали.

Волумния

А, вот и вы! Пусть язвами чумными
Вам боги за любовь ко мне и сыну
Отплатят!

Менений

Тише! Ну зачем так громко?

Волумния

Когда б не слезы, я б сказала вам...
Да и теперь скажу...
(Бруту.)

Постой, куда ты?

Виргилия

(Сицинию)

И ты останься. — Ах, зачем была я
Не властна мужу то же слово молвить!

Сициний

(Волумнии)

В тебе, я вижу, много от мужчины.

Волумния

А что же в том позорного, глупец? —
Нет, посмотрите, как он глуп! — Да разве
Я родилась на свет не от мужчины.
В отличие от тебя, отродье лисье,
Изгнавшее того, кто ради Рима
Нанес ударов больше, чем успел
Ты слов наговорить?

Сициний

Благое небо!

Волумния

Да-да, за ним ударов славных больше,
Чем за тобой премудрых слов. И он
Их наносил всегда на благо Риму.
Скажу тебе я... Впрочем, уходи...
Нет, ты остаться должен... Мне б хотелось,
Чтоб повстречал в пустыне аравийской
Мой сын тебя и всю твою родню
И чтоб при нем был добрый меч...

Сициний

И что же?

Виргилия

А то, что он со всем твоим потомством
Покончил бы.

Волумния

Вплоть до детей внебрачных.
О, сколько раз он ранен был за Рим!

Менений

Довольно, успокойся.

Сициний

Я желал бы,
Чтоб он, служа отчизне так, как начал,
Вовек не порывал узла заслуг,
Которым с нею сам себя связал.

Брут

И я желал бы этого.

Волумния

Желал бы!
Тогда зачем же с ним толпу стравили
Вы, два кота облезлых, хоть способны
Вы о его достоинствах судить
Не более, чем я — о тайнах неба,
Сокрытых от людей.

Брут

Уйдем, Сициний.

Волумния

Теперь я вас сама прошу — уйдите:
Вы славно потрудились. Но сначала
Еще два слова выслушать извольте:
Насколько выше холм Капитолийский
Беднейшей римской хижины, настолько
Супруг вот этой женщины, мой сын,
Хотя он изгнан вами, — выше вас.

Брут

Ну вот и хорошо. Прощай.

Сициний

Не стоит
На споры с сумасшедшей время тратить.

Волумния

Мои молитвы — с вами.

Трибуны уходят.

Пусть отныне
Одно лишь боги знают: исполнять
Мое проклятье. — О, как я желаю
Хоть раз на дню встречать их, чтобы тяжесть
Свалить с души.

Менений

Досталось им изрядно,
И поделом. Поужинаем вместе?

Волумния

Моя еда — мой гнев. Мой ужин — скорбь.

Я с голода умру при этой пище.
(*Виргилии.*)
Идем, и перестань стенать бессильно,
Но, как Юнона грозная, как я,
Излейся гневом. Ну, идем.

Волумния и Виргилия уходят.

Менений

О низость!

Уходит.

СЦЕНА 3

*Дорога между Римом и Анциумом.
Входят римлянин и вольск навстречу друг другу.*

Римлянин

А ведь я тебя, друг, хорошо знаю, да и ты меня тоже. Тебя вроде бы Адрианом зовут?

Вольск

Верно, приятель. Только, по правде сказать, как зовут тебя — я забыл.

Римлянин

Я родом из Рима, но теперь, как и ты, служу его врагам. Ну, узнаешь меня?

Вольск

Никанор, что ли?

Римлянин

Он самый, дружище.

Вольск

Когда мы виделись в последний раз, борода у тебя была подлиннее; впрочем, тебя всегда по голосу признать можно. Что нового в Риме? Наш Вольский сенат меня затем и послал, чтоб тебя разыскать. Как хорошо, что ты укоротил мой путь на целый день!

Римлянин

В Риме был большой мятеж: народ взбунтовался против сенаторов, патрициев и прочей знати.

Вольск

Был, ты говорить? Значит, уже кончился? Вот так неожиданность для наших правителей! Они ведь всю вооружаются, чтобы ударить на Рим, как только там междоусобица разгорится.

Римлянин

Главный-то пожар потушили, но он по любому поводу снова вспыхнуть может. Знать до того близко приняла к сердцу изгнание доблестного Кориолана, что каждую минуту готова отнять у народа власть и навсегда упразднить должность трибунов. Уж ты мне поверь: огонь тлеет себе да тлеет под пеплом, а потом возьмет и вырвется наружу.

Вольск

Неужели Кориолана изгнали?

Римлянин

Да, друг, изгнали.

Вольск

Ну, Никанор, за такую весть тебя у нас хорошо встретят.

Римлянин

Да, время для ваших самое подходящее. Верно говорится: чужую жену проще всего соблазнить, когда она с мужем в ссоре. Теперь вашему благородному Туллу Авфидию легко будет отличиться, раз родина его великого противника отвергла услуги Кориолана.

Вольск

Да, в этом сомневаться не приходится. Мне очень повезло, что я повстречал тебя. Теперь дело мое кончено и я охотно провожу тебя до Анциума.

Римлянин

А я по дороге, до ужина, выложу тебе кучу самых неожиданных вестей из Рима. Все складывается для вас так, что лучше и не придумаешь. Вы, говоришь, уже и войско набрали?

Вольск

Да еще какое! Центурионы на местах, люди расписаны по сотням, жалование выплачено — словом, хоть сейчас в поход.

Римлянин

Приятно слышать, что все готово. Вот от моих вестей ваши сразу и двинутся. Рад, что повстречал тебя, друг, а еще больше — тому, что ты будешь моим попутчиком.

Вольск

Я сам собирался сказать тебе то же, приятель. Я еще больше рад этой встрече, чем ты.

Римлянин

Вот и пойдем вместе.

Уходят.

СЦЕНА 4

Анциум. Перед домом Авфидия.

*Входит **Кориолан**, переодетый бедняком; он прикрывает лицо краем плаща.*

Кориолан

Как ты прекрасен, Анциум богатый,
А я наполнил вдовами тебя,
Передо мною падали со стоном
В бою владельцы этих дивных зданий.
Не узнавай Кориолана, город,
Чтобы камнями женщины и дети
Меня в бесславной схватке не побили!

*Входит **горожанин**.*

Пряатель, здравствуй.

Горожанин

Здравствуй.

Кориолан

Ты не скажешь,
Где тут живет прославленный Авфидий
И в городе ли он?

Горожанин

Да-да. Сегодня
Он пир дает в честь городских властей.

Кориолан

Где ж дом его?

Горожанин

Вон здесь. Ты перед ним.

Кориолан

Прощай, спасибо.

Горожанин уходит.

О, как мир изменчив!
Друзей по клятвам, в чьей груди, казалось,
Стучало сердце общее, друзей,
Деливших труд, постель, забавы, пищу,
Любовью связанных и неразлучных,
Как близнецы, — мгновенно превращает
Пустячный случай во врагов смертельных.
А недругов, которых сна лишали
Их ненависть и мстительные планы,
Такой же мелкий и внезапный повод
Сближает, заставляет подружиться
И браком два потомства слить в одно.
Не то же ли со мной? Я ненавижу
То место, где рожден, и полюбил
Вот этот вражий город. Что ж, войду.
Быть может, умертвит меня Авфидий —
И будет прав. Но если приютит,
Я честно послужу его отчизне.
(*Уходит.*)

СЦЕНА 5

*Там же. Зал в доме Авфидия.
Внутри дома музыка. Входит слуга.*

Первый слуга

Вина, вина! Ну и слуги у нас! Заснули все они, что ли? *(Уходит.)*

Входит второй слуга.

Второй слуга

Где Котус? Господин зовет его. — Котус! *(Уходит.)*

Входит Кориолан.

Кориолан

Как дом богат и запах пира сладок!
Лишь я — незванный гость.

Входит первый слуга.

Первый слуга

Ты что тут делаешь, приятель? Откуда ты? Здесь тебе не место.
Ступай-ка себе за двери. *(Уходит.)*

Кориолан

Не заслужил я лучшего приема:
Ведь я — Кориолан.

Входит второй слуга.

Второй слуга

Ты откуда взялся? Где только у привратника глаза были? Зачем он выпускает сюда всяких оборванцев? Пошел вон!

Кориолан

Эй, отвяжись!

Второй слуга

Как это — отвяжись? Сам отвяжись от нас!

Кориолан

Ты докучаешь мне!

Второй слуга

Нет, вы посмотрите какой храбрец! Ну, я сейчас с тобой по-свойски поговорю!

Входят первый и третий слуги.

Третий слуга

Это еще кто?

Первый слуга

Какой-то полоумный. Я такого сроду не видывал: никак не могу выставить его из дома. Поди-ка позови сюда господина. *(Отходит в сторону.)*

Третий слуга

Что тебе здесь надо, приятель? Сделай милость, убирайся.

Кориолан

Отстаньте. Ваш очаг не оскверню я.

Третий слуга

Да ты что за человек?

Кориолан

Я не простого рода.

Третий слуга

Верно: ты не просто бедняк, а настоящий нищий.

Кориолан

Ты прав: я нищ.

Третий слуга

А не угодно ли тебе, нищий не простого рода, поискать себе другое пристанище: здесь тебе не место. Сделай милость, убирайся. Ну!..

Кориолан

Знай свое дело. Иди кланчить объедки! *(Отталкивает его)*

Третий слуга

Ты еще сопротивляешься? *(Второму слуге.)* Пойди-ка скажи господину, что за гость к нам пожаловал.

Второй слуга

Я мигом. *(Уходит)*

Третий слуга

Ты где живешь?

Кориолан

Под сводом небесным.

Третий слуга

Под сводом небесным?

Кориолан

Да.

Третий слуга

Где же это находится?

Кориолан

В царстве коршунов и воронов.

Третий слуга

В царстве коршунов и воронов? *(В сторону.)* Ну и осел! *(Громко.)*
Значит, с сороками вместе?

Кориолан

Нет, я ведь у твоего хозяина не служу.

Третий слуга

Ого! Ты, кажется, моего господина затрагиваешь?

Кориолан

Почему бы нет? Это честнее, чем трогать твою хозяйку. Я вижу, ты чересчур много болтаешь. Ступай за столом прислуживать. Прочь! *(Бьет и выталкивает его.)*

Третий слуга уходит.

Входят Авфидий и второй слуга.

Авфидий

Где этот малый?

Второй слуга

Вот он, господин. Не бойся я гостей потревожить, я б его как собаку избил. *(Отходит в сторону.)*

Авфидий

Откуда ты и кто? Чего ты хочешь?
Что ж ты молчишь? Скажи, кто ты такой.

Кориолан

(открывая лицо)

Ну если и теперь, в лицо мне глядя,
Ты снова, Тулл, меня узнать не сможешь,
Я должен буду сам себя назвать.

Авфидий

Скажи свое мне имя.

Кориолан

Оно для уха вольского не сладко,
Для твоего — враждебно.

Авфидий

Кто же ты?
Твой облик грозен. На твоём лице
Читаётся привычка к власти. Виден
Из-под твоих изодранных снастей

Корабль могучий. Кто же ты такой?

Кориолан

Сейчас ты помрачнеешь. Что, узнал?

Авфидий

Не узнаю. Ты кто?

Кориолан

Я тот Кай Марций, что нанес так много
Вреда и ран твоим собратьям-вольскам,
А больше всех — тебе и был за это
Кориоланом прозван. Мне дала
Моя неблагодарная отчизна
За пролитую ради Рима кровь,
За страшные опасности, за службу
Одно лишь это прозвище в награду.
Оно — порука злобы и вражды,
Которое ко мне питать ты должен.
Оно одно осталось у меня:
Все остальное пожрано народом,
Чью зависть и жестокость разнузда
Трусливая бездеятельность знати,
Покинувшей меня и допустившей,
Чтоб рабы голоса меня изгнали
Из Рима с улюлюканьем. И вот,
Нуждой теснимый, я вступил под кровлю
Над очагом твоим. Не обольщайся,
Что я пришел в надежде жизнь спасти:
Страшись я смерти, никого на свете
Не избегал бы так я, как тебя.
Нет, только жажда расплатиться с теми,
Кем изгнан я, меня к тебе толкнула.
Коль в сердце ты еще скрываешь гнев
И хочешь мстить как за свои обиды,
Так и за унижение отчизны —

Спеши использовать мои несчастья,
Поставь себе на службу жажду мщенья,
Которой я пылаю, ибо буду
С остервененьем злых подземных духов
Я биться против родины прогнившей.
Но если ты, устав пытаться судьбу,
На это не осмелишься, то помни:
Мне так постыла жизнь, что сам подставляю
Я грудь свою твоей вражде давнишней.
Зарежь меня, иль ты глупец: ведь я
Тебя всегда преследовал свирепо,
Кровь бочками пускал твоей отчизне,
И жизнь моя, не став твоей служанкой,
Твоим позором будет.

Авфидий

Марций, Марций!
Ты каждым словом вырываешь с корнем
Из сердца моего былую злобу.
Заговори со мной из туч Юпитер
О тайнах неба и скрепи он клятвой
Свои слова, ему бы я поверил
Не больше, чем тебе я верю, Марций!
Позволь моим рукам обвить любовно
То тело, о которое ломался
Сто раз мой тяжкий дротик, чьи осколки
Луну, взлетая, ранили.
(Обнимает Кориолана.)
Сжимаю
Я наковальню моего меча
В объятьях и отныне состязаюсь
С тобою в благородной пылкой дружбе,
Как некогда с тобой из честолюбья
Я в доблести соперничал. Послушай,
Я девушку любил, мою невесту,
И вряд ли кто-нибудь вздыхал на свете
Так искренне, как я по ней; но даже
В тот миг, когда избранница моя

Впервые через мой порог шагнула,
Не радостней во мне плясало сердце,
Чем, о высокий дух, при нашей встрече!
Знай, Марс, [11](#) мы втайне здесь собрали войско,
И я уж думал попытаться снова
Лишить тебя щита с рукою вместе —
Иль собственную руку потерять.
С тех пор как был я побежден тобою
В двенадцатом по счету поединке,
Не проходило ночи, чтоб не снились
Мне схватки наши: видел я во сне,
Как мы с тобой, друг другу стиснув горло,
Катались по земле, срывали шлемы, —
И я в изнеможение просыпался.
Достойный Марций, если б не имели
Других причин для ссоры с Римом вольски,
То за одно изгнание твое
Призвали б мы к оружию всех граждан
С семидесяти лет до десяти
И принесли б войну в пределы Рима,
Чтоб затопить неблагодарный город
Ее потоком яростным. Входи же
В мой дом, где, как друзьям, пожмешь ты руки
Сенаторам, которые сегодня
Прощаются со мной перед походом
Хоть не на Рим, но на его владенья.

Кориолан

Благие боги, как я вами взыскан!

Авфидий

Ты здесь хозяин. Если самолично
Захочешь месть свою осуществить,
Я разделю с тобою власть над войском.
Сам принимай решения. Твой опыт
Богаче нашего. Ты лучше знаешь,
Где Рим силен, где слаб. Тебе виднее —

Идти ли сразу нам к его воротам
Иль в отдаленных областях сначала
Посеять страх и римлян разгромить.
Войди же в дом. Позволь тебя сперва
Представить тем, кто должен дать согласие
На замыслы твои. Стократ привет!
Мы враждовали сильно, но сдружились
Еще сильнее. Дай руку мне. Привет!

*Кориолан и Авфидий уходят.
Первый и второй слуги выходят вперед.*

Первый слуга

Вот так перемена!

Второй слуга

Честное слово, я хотел было огреть его палкой, да, по счастью, сообразил, что он не то, чем по одежде кажется.

Первый слуга

Ну и ручища у него! Он как крутанет меня двумя пальцами, словно я ему кубарь какой-нибудь.

Второй слуга

А я чуть посмотрел ему в лицо, так сразу и смекнул, что тут дело не простое. В его лице есть что-то такое... как бы это сказать...

Первый слуга

Да-да, что-то такое, словно он... Пусть меня повесят, если я не догадался, что он поважнее, чем нам казалось.

Второй слуга

Клянусь, и я тоже. Второго такого во всем мире не сыскать.

Первый слуга

И я так думаю, хоть мы с тобой и знаем воина, который почище его будет.

Второй слуга

Ты это про кого? Про нашего господина, что ли?

Первый слуга

А про кого же еще!

Второй слуга

Ну, наш-то шестерых таких стоит.

Первый слуга

Это ты, конечно, перехватил, хоть я и считаю хозяина великим воином.

Второй слуга

Видишь ли, в таких делах трудно решать, кто первый; но уж города защищать наш полководец лучше всякого другого умеет.

Первый слуга

Да и брать их тоже.

Входит третий слуга.

Третий слуга

Эй, друзья, и новости же я вам расскажу! Ох и новости, пройдохи вы этакие!

Первый и второй слуги

Что? Что? — Какие? — Да не тyani ты!

Третий слуга

Не хотел бы я сейчас быть римлянином; уж лучше пусть меня вздернут!

Первый и второй слуги

Это почему? — Это почему?

Третий слуга

Как — почему? Да ведь у нас в доме сам Кай Марций — тот, что всегда колотил нашего полководца.

Первый слуга

Что? Марций колотил нашего?

Третий слуга

Ну, не то чтоб колотил, а спуску ему не давал.

Второй слуга

Брось, приятель, мы здесь люди свои. Марций всегда был не по зубам нашему. Это его собственные слова — я же слышал.

Первый слуга

Что верно, то верно — не по зубам. Под Кориолами он сам изрубил и размолол нашего, как отбивную.

Второй слуга

Так что запросто мог его поджарить и скушать, если б был людоедом.

Первый слуга

А еще какие новости?

Третий слуга

Наши так его ублажают, будто он сын и наследник Марса. Его посадили на самый верхний конец стола; если кто из сенаторов с ним заговорит, так обязательно встанет и шапку снимет. Наш полководец ухаживает за ним, как за любовницей: то рукой его тронет словно святыню какую, то слушает его, выкатив глаза. Но главная новость вот такая: полководец-то наш теперь напополам разрезан, он уже только половинка того, чем был вчера; а другой половинкой по желанию и с согласия всех, кто сидит за столом, стал Марций. Он обещает римскому привратнику уши нарвать и все со своей дороги смести, чтоб позади него одно гладкое место осталось.

Второй слуга

Что ж, он, по-моему, больше любого другого способен это сделать.

Третий слуга

Он не только способен это сделать, но и сделает, потому что — понимаешь, приятель, — у него на родине друзей не меньше, чем врагов, только эти друзья, понимаешь, не смеют показать, что они ему друзья, покуда он, как бы это сказать, декредитации подвергается.

Первый слуга

Декредитации? Это что такое?

Третий слуга

А как только, приятель, они увидят, что он гребень шлема опять кверху задрал, да в полную силу пришел, так сейчас выскочат из своих нор, как кролики после дождя, и сбегутся к нему на подмогу.

Первый слуга

Когда же все это будет?

Третий слуга

Завтра, сегодня, прямо сейчас. Чуть обед кончится, ударил барабан, вроде как на сладкое, и наши выступят, не успев даже губ утереть.

Второй слуга

Значит, опять повеселимся. Что хорошего в мирном времени? Только железо ржавеет, портные разводятся да стихоплеты плодятся.

Первый слуга

Да и я скажу: война — лучше мира, как день лучше ночи. Во время войны живешь весело: то тебе новый слух, то новое известие. А мир — это вроде спячки или паралича: скучно, пусто, тоскливо. В мирное время больше незаконных детей рождается, чем на войне людей гибнет.

Второй слуга

Это точно. Конечно, на войне подчас чужих жен насилуют; зато в мирное время жены своих же мужей рогами украшают.

Первый слуга

Верно. Оттого люди и ненавидят друг друга.

Третий слуга

А все почему? Потому что в мирное время они не так друг другу нужны. То ли дело война! Надеюсь, римляне скоро будут стоять не дорожке вольсков. — Слышите, из-за стола встают!

Первый и второй слуги

Идем, идем скорее!

Уходят.

СЦЕНА 6

Рим. Площадь.

*Входят оба трибуна — **Сициний** и **Брут**.*

Сициний

Чего бояться нам? О нем не слышно,
Да и безвреден он во время мира
И прекращенья смут, народ державших
В тревоге постоянной. Пусть краснеют
При виде процветающей отчизны
Друзья спесивца Марция, которым,
Хоть и они страдали от раздоров,
Приятней видеть уличные схватки,
Чем слышать, как ремесленники наши
В довольстве и покое распевают
За верстаком своим.

Брут

Мы зло сумели вовремя пресечь.

*Входит **Менений**.*

Гляди — никак, Менений?

Сициний

Да, он самый.
Он стал с тех пор куда любезней с нами. —
Привет тебе.

Менений

И вам обоим также.

Сициний

Жалеют о твоём Кориолане
Одни его друзья, а государство,
Назло ему, стояло и стоит.

Менений

Все это хорошо, но было б лучше,
Когда б он уступил.

Сициний

Не знаешь, где он?

Менений

Не знаю ничего. Вестей о нём
Жена и мать его не получают.

*Входят **трое или четверо горожан.***

Горожане

Да охраняют боги вас обоих!

Сициний

Соседи, добрый вечер!

Брут

Добрый вечер,
Всем добрый вечер!

Первый горожанин

Мы и наши семьи
Должны за вас молиться на коленях.

Сициний

Живите, благоденствуйте.

Брут

До встречи,
Соседи наши добрые. О, если б
Кориолан любил вас так, как мы!

Горожане

Пусть боги вас хранят.

Оба трибуна

До скорой встречи!

Горожане уходят.

Сициний

Теперь спокойней, легче жить, чем раньше,
Когда с мятежным криком горожане
По улицам метались.

Брут

Был Кай Марций
Отважен на войне, но слишком дерзок,
Заносчив, полон спеси непомерной
И самомнения...

Сициний

Он всегда стремился
К верховной безраздельной власти.

Менений

Вряд ли.

Сициний

Не будь он нами консульства лишен,
С прискорбием мы б убедились в этом.

Брут

Но промыслом благих богов он изгнан —
И счастлив Рим.

Входит эдил.

Эдил

Достойные трибуны.
Какой-то раб (в тюрьму он нами брошен)
Болтал, что два огромных вольских войска,
Все на пути сметая беспощадно,
Ворвались в земли Рима.

Менений

То Авфидий
Вновь высунул, узнав, что изгнан Марций,
Свои рога, которые он прятал,
Пока стоял за дело Рима Марций.

Сициний

Да что ты нам заладил — Марций, Марций?

Брут

Под розги болтуна! Нарушить мир
Не могут вольски.

Менений

Как это — не могут?
Нет, опыт учит нас, что очень могут.
Я сам тому свидетелем был трижды.
Не лучше ль, прежде чем пороть раба,
Порасспросить его, чтобы не высечь
Того, кто об опасности грозящей
Вас предостерегает?

Сициний

Что ты мелешь?
Быть этого не может!

Брут

Невозможно.

Входит гонец.

Гонец

Патриции стекаются к сенату.
Пришло известье, стершее румянец
С их лиц.

Сициний

Всеми виною этот раб.
(Эдилу.)
Пусть высекут его перед народом,
Который он мучил.

Гонец

Достойный муж,
Раб не солгал. Известье подтвердилось,
И новые пришли — еще страшнее,
Чем первое.

Сициний

Как так — еще страшнее?

Гонец

Насколько это верно, я не знаю,
Но говорят открыто, будто Марций
Ведет войска с Авфидием совместно,
Всем римлянам от мала до велика
Поклявшись отомстить.

Сициний

Все это сказки!

Брут

Придуманные стороной слабейшей,
Чтоб Марция вернуть.

Сициний

Вот это ловко!

Менений

Не верю я! Две крайности такие,
Как Марций и Авфидий, — не сойдутся.

Входит второй гонец.

Второй гонец

Сенаторами послан я за вами.
Кай Марций и Авфидий с грозным войском
Неистово в пределы наши вторглись,
Огнем себе дорогу пролагая
И грабя все, что встретится на ней.

Входит Коминий.

Коминий

Вы натворили дел!

Менений

Какие вести?

Коминий

Вы сами все устроили так мудро,
Что ваших дочерей бесчестить будут,
Что с ваших крыш, расплавленных пожаром,
Свинцовый дождь вам хлынет на башку,
Что станут ваших жен у вас под носом
Насиловать...

Менений

Ответь: какие вести?

Коминий

...Что ваши храмы превратятся в пепел,
Что ваши вам столь милые права
В мышиной норке уместятся...

Менений

Вести!

(Трибунам.)

Боюсь я, дел наделали вы славных!

(Коминию.)

Ответь: какие вести? Если Марций —

Союзник вольсков...

Коминий

Что еще за «если»!

Он их кумир. Они ему покорны,

Как будто он был создан не природой,

А более разумной высшей силой.

Они идут на все отродье наше

Не с большею опаской, чем мальчишки

За бабочкой бегут иль давит мух

Мясник.

Менений

Понатворили славных дел

Вы вместе с вашими мастеровыми,

Которые пропахли чесноком

И за которых вы горой стояли.

Коминий

Ваш Рим потряхнет он и на вас обрушит...

Менений

...Как Геркулес на землю спелый плод.

Наделали вы дел!

Брут

Но можно ль верить

Известиям?

Коминий

Вполне. И бледным трупом
Ты станешь раньше, чем их опровергнешь.
Все земли, завоеванные Римом,
С восторгом отпадают. Все смеются
Над теми прямодушными глупцами,
Которые, дерзнув сопротивляться,
Бессмысленно, хоть и бесстрашно гибнут.
Кто Марция осудит? Ведь находят
В нем кое-что его враги и ваши!

Менений

Мы все погибли, если не добьемся
У мужа благородного пощады.

Коминий

А кто пойдет просить? Трибуны?
Им не позволит стыд. Народ? Он вправе
Ждать сострадания от него не больше,
Чем волк от пастухов. Его друзья?
Да ведь мольбою сжалиться над Римом
Они б к нему враждебность проявили
И оскорбили бы его не меньше,
Чем те, кого он ненавидит.

Менений

Правда!
Стань поджигать он собственный мой дом,
И то б я не посмел просить пощады.
Да, славное вы дельце смастерили
С мастеровыми вашими!

Коминий

Вогнали
Вы Рим в такую дрожь, что не излечишь

Ее уже ничем.

Оба трибуна

При чем здесь мы?

Менений

А кто ж? Быть может, мы? Он был нам дорог,
Но, знатные трусливые скоты,
Мы вашей черни поддались, и свистом
Она его изгнала.

Коминий

Я боюсь,
Чтоб он на крик ее не возвратился.
Сам Тулл Авфидий в войске стал вторым
И повинуетя, как подчиненный,
Любому знаку Марция. У Рима
Теперь одна опора и защита —
Отчаянье.

Входит толпа горожан.

Менений

А вот и ваша шайка!
Так, значит, и Авфидий с ним?
(Толпе.)
На Рим
Заразу вы накликали в тот день,
Когда свои засаленные шапки
Кидали вверх и требовали с ревом
Изгнать Кориолана. Он вернулся,
И каждый волос на его бойцах
Для вас бичом окажется. Заплатит
Он вам за ваши голоса и с плеч
За каждую подброшенную шапку

Снесет одну безмозглую башку.
Да что там! Пережги он нас на уголь,
И то б нам было поделом.

Горожане

Ужасное известье!

Первый горожанин

Я-то сам,
Сказав: «Изгнать», прибавил: «Жаль».

Второй горожанин

Я тоже.

Третий горожанин

Я, конечно, тоже. Сказать по правде, не мы одни так говорили. Мы ведь думали сделать, чтобы всем было лучше, и хоть соглашались его изгнать, но в душе-то были с этим несогласны.

Коминий

И ловки ж вы голосовать!

Менений

Изрядно
Сумела отличиться ваша свора!
(Коминию.)
Идешь со мной в сенат?

Коминий

А то куда же!

Менений и Коминий уходят.

Сициний

Соседи, по домам! Не унывайте.
Ведь все они приверженцы его
И только ждут, чтоб подтвердилось то,
Чего они для виду так боятся.
Ступайте и не вешайте голов.

Первый горожанин

Да смилостивятся над нами боги! Пойдем домой, соседи. Зря мы его
изгнали — я же всегда это говорил.

Второй горожанин

Все мы говорили то же самое. Идем-ка поскорей.

Горожане уходят.

Брут

Не нравится мне эта весть.

Сициний

Мне тоже.

Брут

Идем на Капитолий. — Половину
Того, чем я владею, я бы отдал,
Чтоб это было ложью.

Сициний

Ну, пойдем.

Уходят.

СЦЕНА 7

Лагерь неподалеку от Рима.

Входит Авфидий с одним из военачальников.

Авфидий

Так, значит, войско к римлянину льнет?

Военачальник

В нем что-то колдовское есть. Солдаты
Лишь про него толкуют. Имя Марций
Им служит предобеденной молитвой,
Питает их застольную беседу,
«Спасибо» заменяет за едой.
Да, вождь, на время этого похода
Ты отодвинут в тень.

Авфидий

А что ж мне делать?
Бороться? Это значит нашим планам
Колени перебить. Он и со мною
Надменней, чем я ждал, когда впервые
Мы обнялись. Но он всегда такой,
Его не изменить. Я извиняю
То, что исправить не могу.

Военачальник

Мой вождь,
Хотел бы я для твоего же блага,
Чтоб ты с ним власть над войском не делил,
А либо сам распоряжался, либо

Ему начальство сдал.

Авфидий

Тебя я понял.
Однако помни: он и не предвидит,
Какие обвиненья предъявлю
Ему я в день сведения всех счетов.
Хоть кажется — и сам он в это верит,
Да и толпа, наверно, так же мыслит, —
Что он походом и делами вольсков
Руководит отлично, что дерется
В сраженьях, как дракон, что стоит только
Ему взмахнуть мечом, как враг бежит,
Но то, на чем он шею в день расчета
Себе иль мне ломает, — впереди.

Военачальник

Ты думаешь, что Рим он взять сумеет?

Авфидий

Все города ему сдались без боя,
А в Риме и сенаторы и знать —
Его друзья. Трибуны — не солдаты.
Народ же призовет его обратно
Еще поспешней, чем изгнал. И Рим
Он схватит, как морской орел рыбешку,
Которая сама к тому всплывает,
В ком видит прирожденного владыку.^{[12](#)}
Сперва он верно родине служил,
Но устоять не смог под грузом славы.
Быть может, в том была повинна гордость,
Которая нас портит в дни успеха,
Иль вспыльчивость, которая мешает
Использовать разумно цепь удач,
Иль то, что от рождения ему
Присущи непреклонность и упорство,

Из-за которых на скамьях сената
Он шлема не снимал и оставался
В дни мира столь же грозен, как в бою.
Из этих свойств любого (обладает
Он ими всеми, хоть не в полной мере)
Довольно, чтобы на себя навлечь
Изгнание и ненависть народа.
Он сам свои заслуги свел на нет,
Твердя о них кичливо. Наша слава
Лишь мнением народным создается.
Тому, кто стал у власти (пусть по праву),
Вернее нет могилы, чем трибуна,
С которой слышит он хвалу.
Гвоздь выбивается другим гвоздем,
Ломает силу сила. Ну, идем. —
О Кай, как только Рим возьмешь ты свой,
Я верх возьму, несчастный, над тобой.

Уходят.

АКТ V

СЦЕНА 1

Рим. Площадь.

Входят Менений, Коминий, Сициний, Брут и другие.

Менений

Нет, не пойду. Вы слышали, что он
Ответил своему вождю бывшему,
Любившему его нежней, чем сына?
Меня он тоже звал отцом. Что толку?
Идите вы, кем изгнан он, и, ниц
За милю пав перед его палаткой,
К пощаде на коленях доползите.
Уж если он Коминию не внял,
Я лучше дома посижу.

Коминий

Он даже
Узнать меня не захотел.

Менений

(трибунам)
Слыхали?

Коминий

Когда, забывшись, он сказал: «Коминий»,
Я стал о крови, пролитой совместно,
О дружбе нашей вспоминать. Он крикнул,
Что нет Кориолана, что отрекся
Он от своих прозваний и пребудет

Без имени, пока себе другого
В огне пожаров гибнущего Рима
Не выкует.

Менений

Спасибо вам, трибуны!
Вы крепко потрудились, чтобы уголь
Подешевел. Вас будут помнить в Риме.

Коминий

Сказал я, что пощаду дать тому,
Кто ждать ее не вправе, — благородно.
Ответил он, что глупо государству
Просить того, кого оно карает.

Менений

А что ж еще ему ответить было?

Коминий

Его просил я пожалеть друзей.
Он возразил, что недосуг ему
Перебирать прогнившую мякину,
Разыскивая два иль три зерна,
Что ради них трухи зловонной кучу
Не сжечь — нелепо.

Менений

Два иль три зерна!
Одно — я сам, другие — мать, жена,
Его сынок да этот храбрый воин.
А вы — мякина, гниль, чей смрад взлетает
До самых звезд. Сгорим мы из-за вас!

Сициний

Не гневайся. Уж если ты помочь
Не хочешь нам в беде неотвратимой,
Так не кори хоть ею нас. А все же,
Возьмись ты быть ходатаем за Рим,
Язык твой ловкий мог бы сделать больше,
Чем наше наспех набранное войско.

Менений

Нет, в это я мешаться не желаю.

Сициний

Молю тебя, ступай к нему!

Менений

Зачем?

Брут

Чтоб хоть увидеть, не пойдет ли Риму
На пользу ваша дружба.

Менений

Ну, а если
Меня он, как Коминия, прогонит,
Не выслушав, и я вернусь,
Презреньем друга тяжело оскорбленный?
Ну, что тогда?

Сициний

Тогда отчизна будет
За добрые намеренья твои
Признательна тебе.

Менений

Что ж, попытаюсь.
Я думаю, что выслушан им буду,
Хоть на Коминия глядел он косо
И прикусив губу. Как это горько!
Но, может быть, пришел к нему Коминий,
Когда он был не в духе, не обедал?
Ведь если в жилах пусто, кровь не греет,
То нам не в радость даже солнце утром
И скупы мы на деньги и прощенье.
Но если кровеносные каналы
Наполнены у нас вином и пищей,
То мы душою кротче, чем в часы,
Когда постимся, как жрецы. Я лучше
Дождусь, пока обед его смягчит,
А уж потом примусь просить.

Брут

Путь к доброте его тебе известен,
И ты не заплутаешь.

Менений

Будь что будет,
А то, что будет, я узнаю скоро.
Попробую.
(Уходит.)

Коминий

Не станет даже слушать
Его Кориолан.

Сициний

Ты так уверен?

Коминий

Да я же видел: он сидит в палатке,
Весь раззолоченный, глаза сверкают
Так, словно Рим предать огню хотят.
Он жалость заточил в тюрьму обиды.
Когда пред ним я преклонил колени,
Он процедил мне: «Встань!» — и отослал
Меня рукой безмолвною, а после
Уведомил меня письмом о том,
Что может сделать и чего не может,
Поскольку связан клятвой, данной вольскам.[13](#)
Итак, одна у нас надежда —
Достойные его жена и мать,
Которые, как слышал я, решили
Молить его о жалости к отчизне.
Идем. Упросим их поторопиться.

Уходят.

СЦЕНА 2

*У входа в лагерь вольсков под Римом.
На постах стоят часовые. К ним подходит Менений.*

Первый часовой

Стой! Ты откуда взялся?

Второй часовой

Стой! Назад!

Менений

Хвалю: вы хорошо несете службу.
Но я сановник, и с Кориоланом

У нас дела.

Первый часовой

Откуда ты?

Менений

Из Рима.

Первый часовой

Назад! Не хочет вождь о Риме слышать.

Второй часовой

Скорей твой Рим сгорит, чем ты с вождем
Поговоришь.

Менений

Любезные мои,
Когда ваш вождь рассказывал при вас
О Риме и своих друзьях, ручаюсь,
Меня упоминал он. Я — Менений.

Первый часовой

А все ж — назад! И с именем таким
Тебе здесь ходу нет.

Менений

Послушай, мальй,
Твой вождь меня любил. Я был той книгой,
Где летопись велась его деяньям.
Читали в ней сограждане о славе
Его бессмертной, хоть отчасти мною
Преувеличенной, затем что я

Друзьям (а он меж ними первым был)
Воздать по правде должное старался,
Но слишком уносился вдаль порой,
Как шар, который пущен по дорожке
С обманчивым наклоном и длиною,
И уснащал хвалу крупницей лжи.
Поэтому дай мне пройти, приятель.

Первый часовой

Честное слово, налги ты ему в похвалу столько же, сколько слов в свою собственную честь наговорил, я и тогда не пропустил бы тебя. Нет, даже если бы ложь, как целомудрие, считалась добродетелью. Поэтому — назад!

Менений

Да пойми ты, приятель: меня зовут Менений, и я всегда был сторонником твоего вождя.

Второй часовой

Вернее, лжецом, который, как ты сам уверяешь, вечно про него небылицы сочинял. Зато я обязан резать правду, раз уж состою у него на службе. Поэтому заявляю тебе: не пропущу. Назад!

Менений

Ты мне хоть скажи, обедал он или не обедал. Пока он не пообедал, я лучше с ним говорить не буду.

Первый часовой

Ты — римлянин, не так ли?

Менений

Да, как и твой вождь.

Первый часовой

Значит, ты должен был бы ненавидеть Рим, как и он. На что ты надеешься? Вы сначала вытолкали за ворота лучшего вашего защитника, отдали врагу свой собственный щит, чтоб угодить бессмысленной черни, а теперь думаете, что хныканье ваших старух, сложенные руки ваших дочерей да плаксивые мольбы выживших из ума старикашек, вроде тебя, спасут вас от его мести. Уж не собрался ли ты своим немощным дыханием задуть огонь, который вот-вот охватит ваш город? Не тут-то было! Поэтому — назад! Вернись в Рим, пусть там к казни готовятся. Вы все осуждены. Наш вождь поклялся, что пощады никому не будет.

Менений

Ты полегче! Если бы твой начальник знал, что я здесь, он бы меня принял с уважением.

Первый часовой

Поди ты. Мой начальник тебя и знать не знает.

Менений

Да я говорю не о твоём центурионе, а о самом вашем полководце.

Первый часовой

А ему-то что за дело до тебя? Назад! Кому я говорю? Уйди, не то я из тебя последние полпинты крови выпущу. Назад!

Менений

Но послушай, приятель, послушай...

Входят Кориолан и Авфидий.

Кориолан

Что тут происходит?

Менений

(первому часовому)

Ну, приятель, я сейчас за тебя замолвлю словечко! Ты еще увидишь, как меня здесь уважают. Знай, что какому-то паршивому часовому никогда не удастся отогнать меня от Кориолана: он же мне все равно что сын. Вот послушай, как мы с ним поговорим, и сообрази, что не миновать тебе повешения или иной казни, которая для зрителей будет попродажительнее, а для тебя самого потяжелее. Ну смотри же: сейчас ты от страха в обморок свалишься. *(Кориолану.)* Пусть ежечасно совет всемогущих богов печется о твоём благоденствии и пусть они любят тебя так же крепко, как твой старый отец Менений. Сын мой, сын мой! Ты готовишь для нас пожар, но влага вот этих глаз потушит его. Римляне долго не могли упросить меня пойти к тебе, но я знал, что я один способен тронуть твоё сердце, и, наконец, их вздохи выдули меня за ворота города. Взгляни, я, я заклинаю тебя — прости Рим и твоих соотечественников, с мольбою взывающих к тебе. Да растворят благие боги твой гнев в наших слезах и выплеснут его остатки на вот этого бездельника, на этого чурбана, который преградил мне дорогу к тебе.

Кориолан

Уйди!

Менений

Как! Уйди?

Кориолан

Мать, сын, жена — я больше их не знаю.

Мои дела другим отныне служат.

За много мести, а право на пощаду —

За вольсками. Скорей я отправлю

Забвением былую нашу дружбу,

Чем милосердьем покажу, как прочно

Мы ею были связаны! Уйди!

Мой слух для ваших просьб надежней замкнут,

Чем от моих солдат ворота ваши.

Но так как ты был дорог мне когда-то,
Возьми бумагу эту. Для тебя
Я написал ее и собирался
Тебе отправить.
(*Дает ему бумагу.*)
А теперь, Менений,
Уйди, не тратя слов. — Авфидий, в Риме
Он мною был любим, однако видишь...

Авфидий

Да, неизменен ты во всем.

Кориолан и Авфидий уходят.

Первый часовой

Ну, достойный муж, так, значит, твое имя Менений?

Второй часовой

Скажите, каким оно оказалось всесильным! Дорогу домой сам найдешь?

Первый часовой

И влетело же нам за то, что мы такую высокую особу не пропустили!

Второй часовой

Что-то не вижу я, чтобы мне от страха в обморок свалиться пришлось.

Менений

Нет мне дела ни до вашего вождя, ни до всего света. А уж о таких ничтожествах, как вы, мне и думать не стоит. Кто сам на себя решил руки наложить, тот убийц не испугается. Пусть ваш вождь творит свое черное дело. Вы же оставайтесь такими, какие вы есть, чтобы ваше убожество возрастало с годами. Скажу вам то же, что вы мне говорили: «Прочь с глаз

моих!» (*Уходит.*)

Первый часовой

А ведь правду сказать — человек-то он достойный!

Второй часовой

Нет, достойный человек — это наш вождь: он вроде скалы или дуба — его никакой ветер не свалит.

Уходят.

СЦЕНА 3

Палатка Кориолана.

*Входят **Кориолан**, **Авфидий** и другие.*

Кориолан

Итак, с рассветом войско Рим обложит.

(Авфидию.)

Тебя, мой сотоварищ по походу,
Прошу я донести сенату вольсков,
Что вам я верен был.

Авфидий

Лишь в вашей пользе
Стремился ты, не внял молениям Рима
И уповавших на тебя друзей
Не выслушал ни разу.

Кориолан

Тот старик,

Что в Рим с разбитым сердцем мной отослан,
Любил меня сильнее, чем отец, —
Боготворил меня. Его посольство
Последнею надеждой Рима было.
О нашей стародавней дружбе помня,
Я, хоть и встретил холодно его,
Вновь предложил им мир на тех условиях,
Который они отвергли раньше,
Да вряд ли примут и теперь. Я сделал
Лишь самые ничтожные уступки,
Чтоб старика утешить (он ведь думал,
Что может многого достичь). Отныне
Я не хочу посланцев Рима видеть,
Мольбам друзей внимать.

За сценой шум.

Что там за шум?
Не снова ли пытаются склонить
Меня к тому, чтоб я нарушил клятву
В тот миг, когда принес ее? Ну нет!

*Входят в траурной одежде **Виргилия, Волумния**, ведущая маленького **Марция, Валерия и свита**.*

Идет моя жена! За нею следом,
Ведя с собою маленького внука, —
Та, что служила благородной формой
Для лепки этой плоти.
(Указывает на себя.)
Прочь, любовь!
Да распадутся узы прав природы!
Пусть будет добродетелью моею
Неумолимость! Да, но как прелестны
Глаза и стан моей голубки! Боги,
И вы презрели б клятву ради них!
Растроган я. Как все другие люди,
Я создан не из камня. Предо мной
Склонилась мать моя, как будто должен

Олимп стигаться перед кротовиной.
И мальчик мой глядит с такой мольбою,
Что мне кричит всевластная природа:
«О, сжался!» Нет, пусть вольски Рим распашут
И взборонят весь италийский край, —
Не подчинюсь я, как птенец, влеченью,
Но твердость сохраняю, как если б сам
Я был своим творцом, родства не зная.

Виргилия

Мой муж и господин, ты не узнал нас?

Кориолан

Мои глаза теперь не те, что в Риме.

Виргилия

Так говоришь ты потому, что горе
Нас изменило.

Кориолан

Как плохой актер,
Я сбился с роли, к своему позору.
О половина лучшая моя,
Прости мою жестокость, но не требуй,
Чтоб римлян я простил.
(Целует Виргилию.)
Твой поцелуй,
Как мщенье, сладок, как изгнание, долог!
Клянусь небес ревнивою царицей,
Мои уста твой поцелуй прощальный
Всегда хранили в чистоте. — О боги,
За болтовней я позабыл склониться
Пред благороднейшей из матерей!
(Становится на колени.)
Колени, опуститесь, чтобы в прах

Вдавил я след почтения так глубоко,
Как ни один из сыновей.

Волумния

О, встань
И будь благословен. Не на подушки —
На камни я склоню свои колени
Перед тобой, чтоб так тебя почтить,
Как по ошибке дети почитали
Доныне матерей.
(Становится на колени.)

Кориолан

Что! На колени
Пред сыном, столь наказанным, ты встала?
Тогда пускай до звезд подпрыгнут камни
Бесплодных побережий; пусть хлестнет
Ветвями гордых кедров дерзкий ветер
По пламенному солнцу. Все возможно,
Раз невозможное сбылось.

Волумния

Мой воин,
Ты создан мною.
(Указывает на Валерию.)
Узнаешь ее?

Кориолан

Публиколы достойная сестра,
О римская луна, что чище льдинки,
Морозом на святилище Дианы
Повешенной!.. Валерия, привет!

Волумния

(подводя к Кориолану сына)
А вот и малое твое подобье,

Которое с годами может стать
Совсем таким, как ты.

Кориолан

Пусть бог войны
С согласия Юпитера дарует
Тебе высокий дух, чтоб для бесславья
Ты был неуязвим и в ратных бурях
Стоял непоколебимо, как маяк,
Спасая тех, кто лик твой светлый видит.

Волумния

Встань на колени, внук.

Кориолан

Мой славный мальчик!

Волумния

Валерия, твоя жена, я, он —
Мы все пришли тебя просить...

Кориолан

Умолкни!
А если не просить не можешь, помни:
Не отступлюсь я от того, в чем клялся.
Не требуй, чтобы распустил я войско
Иль с подлыми мастеровыми Рима
Покончил дело миром, не тверди,
Что я бесчеловечен, и не пробуй
Взывать к рассудку, чтобы охладить
Мой гнев и жажду мести.

Волумния

О, довольно!
Ты нас предупредил, что не уступишь,
А мы пришли просить о том, в чем нам
Ты отказал заранее. Но все же
Попросим мы, чтоб в случае отказа
Твое жестокосердье на тебя
Легло пятном. Поэтому послушай.

Кориолан

Авфидий, вольски, подойдите. Римлян
Без вас не стану слушать я. — В чем просьба?

Волумния

Без наших слов — по лицам и по платью
Ты можешь угадать, как нам жилось
Со дня изгнания твоего. Подумай,
Найдутся ль в мире женщины несчастней,
Чем мы? Твой взгляд, который был бы должен
Нам увлажнить глаза слезою счастья,
Сердца наполнить трепетом восторга,
Несет нам лишь отчаянье и ужас.
Ты нас — супругу, сына, мать — заставляешь
Смотреть, как раздирает грудь отчизны
Супруг, отец и сын. Твою враждебность
Нам видеть горше, чем другим: тобою
Закрыт нам путь к молитве — утешенью,
Доступному для всех. Нельзя ж молиться
Одновременно за твою победу,
Как долг велит, и за отчизну нашу,
Как долг велит. Увы! Лишимся мы
Иль дорогой, вскормившей нас отчизны,
Или тебя, дарованного ею
На утешенье нам. Нас горе ждет,
Какой бы из молитв ни вняли боги:
Ведь ты или по улицам в цепях
Пройдешь, как чужеземец и предатель,
Или, поправ развалины отчизны,

Венком увенчан будешь за отвагу,
С которой пролил кровь жены и сына.
Что до меня, то я, мой сын, не стану,
С судьбою примирясь, покорно ждать
Конца войны. Уж если я не в силах
Склонить тебя великодушным быть
К обеим сторонам, а не стремиться
Добить одну из них, то знай, что, прежде
Чем двинуться на Рим, тебе придется
Ногою наступить на чрево той,
Что жизнь тебе дала.

Виргилия

И на мое,
Где зачат сын, который должен имя
Твое сберечь.

Мальчик

Он на меня не ступит:
Я спрячусь, вырасту и драться буду.

Кориолан

Чтоб неженкой, как женщины, не стать,
Глядеть не надо на детей и женщин.
Я засиделся тут.
(Встает.)

Волумния

Ты не уйдешь.
Когда б мы римлян пощадить просили
На гибель вольскам, чей слуга ты ныне,
Ты был бы вправе упрекнуть нас в том,
Что честь твою мы ядом отравляем.
Но молим мы тебя лишь примирить
Враждебные народы, чтобы вольски
Могли воскликнуть: «Мы явили милость!».

А римляне: «Мы приняли ее!»,
Чтоб обе стороны тебя встречали
Приветом общим: «Будь благословен,
Ты, что принес нам мир!» Мой сын великий,
Ты знаешь, счастье на войне — неверно;
Но верно то, что, если Рим ты сломишь,
Заслужишь ты одну награду — имя,
Которому проклятья будут вторить
И под которым летопись напишет:
«Он был велик, но все его деянья
Последнее из них свело на нет.
Он родину сгубил, за что навеки
Покрыт позором!» — Отвечай мне, сын!
Ведь ты считал, что высший признак чести —
Быть равным в милосердии богам,
Чья молния, пронзая щеки неба,
Становится затем секирой грома
И лишь дубы разит. Что ж ты молчишь?
К лицу ли тем, кто сердцем благороден,
Обиду помнить? — Нет, он глух к слезам. —
Дочь, говори же с ним. — Малыш, проси.
Твой лепет, может быть, его скорее,
Чем наши слезы, тронет. Кто на свете
Обязан большим матери, чем он?
И все ж он допустил, чтоб я к нему
Взывала безответно, как колодник. —
О, ты всегда был с матерью неласков,
Ни в чем не уступал ей, хоть она,
Клохча, как одинокая наседка,
Жила тобой, тебя для битв растила,
Ждала, когда со славой из похода
Вернешься ты... Что ж, если наша просьба
Несправедлива, прогони меня;
А если справедлива — ты бесчестен
И гнев богов изведает сполна
За то, что посягнул своим отказом
На право матери. — Он отвернулся!
Все на колени: пристыдим его!

Все падают к ногам Кориолана.

Ведь он Кориолан, а это имя
Не жалости, но гордости сродни.
Склонимся перед ним в последний раз.
Откажет — возвратимся, чтобы дома
Среди соседей встретить смерть. — Взгляни же
На нас, взгляни хотя б на малыша:
Не знает он, о чем просить, но с нами
К тебе ручонки тянет на коленях.
А это довод посильнее тех,
Которыми отказ ты подкрепляешь. —
Идем. Довольно. Этот человек
На свет от вольской матери родился,
Жена его, наверно, в Кориолах,
И внук мой на него похож случайно. —
Что ж ты не гонишь нас? Я помолчу,
Пока наш город пламя не охватит,
А уж тогда — заговорю.

Кориолан

О мать,
Что сделала со мною ты! Взгляни,
Разверзлось небо, и со смехом боги
На зрелище неслыханное смотрят.
О мать моя! Счастливую победу
Для Рима одержала ты, но знай,
Что сына грозной, может быть, смертельной
Опасности подвергла. Будь что будет! —
Авфидий, заключу я мир почетный,
Раз не могу войну вести как надо.
Скажи, сумел бы ты, Авфидий добрый,
Когда б со мною местом поменялся,
Остаться твердым, матери не внять
И ей не уступить? Скажи, Авфидий.

Авфидий

Я тоже был растроган.

Кориолан

Я дерзну
Поклясться в том, что говоришь ты правду:
Ведь и мои глаза не так-то просто
Подернуть влагой сострадания, друг.
Но посоветуй, на каких условиях
Мы им даруем мир. Что до меня,
Мне в Рим возврата нет. Уйду я с вами.
А ты мне помоги. — О мать! Жена!

Авфидий

(в сторону)

Я рад, что честь твоя и сострадание
Вступили в ссору, — это мне вернет
Удачу прежних дней.

Женщины хотят прощаться с Кориоланом.

Кориолан

Не торопитесь!
Сначала выпьем мы вина и этим
Надежней слов скрепим наш договор,
Который вы потом снесете в Рим.
Идемте, женщины. За этот подвиг
Должны бы храм воздвигнуть вам. Без вас
Мечи всех италийских государств
Не вынудили б нас к такому миру.

Уходят.

Рим. Площадь.
Входят Менений и Сициний.

Менений

Видишь вон тот выступ Капитолия, угловой камень?

Сициний

Вижу. А что?

Менений

А вот если сдвинешь его с места мизинцем, значит, еще есть надежда, что римлянки, особенно его мать, Кориолана уговорят. Но я тебе скажу: надежды нет! У нас на шее петля — осталось только ее затянуть.

Сициний

Неужели человек за такой короткий срок может так перемениться?

Менений

Гусеница тоже на бабочку непохожа, а ведь бабочка была гусеницей. Марций из человека стал драконом: у него выросли крылья и ползать ему больше незачем.

Сициний

Но он так горячо любил свою мать.

Менений

Меня тоже. А теперь думает о матери не больше, чем жеребец-восьмилетка. От его хмурого вида спелый виноград киснет. Он ходит как осадная башня; под его шагами земля дрожит. Взглядом он, кажется, панцирь пробить в состоянии. Голос у него вроде набата, каждое слово — громче пушечного залпа. Он сидит в кресле под балдахином, словно статуя Александра.[14](#) Не успеет он отдать приказ, как тот уже выполнен. Дайте

ему бессмертие да трон на небе — и будет настоящий бог.

Сициний

Ему для этого еще одного не хватает — милосердия, если ты, конечно, верно его описал.

Менений

Я изобразил его доподлинно. Вот увидишь, с какой милостью мать от него вернется. Милосердия в нем столько же, сколько молока у тигра. Наш бедный город скоро в этом убедится. И все из-за вас!

Сициний

Да сжалятся над нами боги!

Менений

Нет, уж на этот раз они над нами не сжалятся. Когда мы изгоняли его, мы о них и не вспомнили. Зато теперь, когда он явится свернуть нам шею, они тоже о нас не вспомнят.

Входит гонец.

Гонец

Беги домой, трибун, иль ты погиб!
Плебеями твой сотоварищ схвачен.
Они его по улицам волочат,
Клянясь, что, если только нам пощады
И римлянки не принесут, он будет
Разорван на куски.

Входит второй гонец.

Сициний

Какие вести?

Второй гонец

Счастливые: уводит вольсков Марций —
Добились наши римлянки победы!
Столь радостного дня не видел Рим
И в год, когда Тарквиния изгнали.

Сициний

Ты не ошибся, друг мой? Это правда?

Второй гонец

Такая же, как то, что солнце светит.
Да где ж ты был, что все еще не веришь?
Под арками мостов прилив не мчится
С такою быстротой, с какой к воротам
Спешит народ, воспрявший духом. Слушай!

За сценой звуки труб и гобоев, грохот барабанов, радостные крики.

От флейт, кимвалов, барабанов, труб
И кликов римлян, кажется, вот-вот
Запляшет солнце. Слушай!

Снова крики.

Менений

Весть благая!
Пойду-ка встречу женщин. Больше стоит
Одна Волумния, чем целый город
Патрициев, сенаторов почтенных
И консулов, чем целый мир таких,
Как вы, трибунов. Видно, вы усердно
Молились нынче. Утром я бы не дал
Гроша за десять тысяч ваших глоток. —
Послушай, как ликует Рим!

Крики и музыка.

Сициний

(второму гонцу)

Сперва

Да будешь ты благословен богами
За эту весть, а после благодарность
И от меня прими.

Второй гонец

Что ж, есть причины
У каждого из нас быть благодарным.

Сициний

Далеко ли от города они?

Второй гонец

Почти что у ворот.

Сициний

Пойдем навстречу,
Разделим радость горожан.

Уходят.

СЦЕНА 5

Там же. Улица близ городских ворот.

*Входят **Волумния, Виргилия, Валерия и другие** в сопровождении сенаторов, патрициев и народа; они проходят через сцену.*

Первый сенатор

Смотрите, вот спасительницы Рима,
Вернувшие нам жизнь! Сзывайте трибы!
Огни, ликуя, зажигайте всюду!
Богов бессмертных славьте! Усыпайте
Дорогу перед женами цветами!
Пусть крик, изгнавший Марция, заглушат
Приветствия в честь матери его,
Чтобы они ей возвратили сына.
Кричите все: «Привет достойным женам!»

Все

Привет достойным женам!

*Трубы и барабаны.
Все уходят.*

СЦЕНА 6

*Кориолы. Площадь.
Входит Тулл Авфидий со свитой.*

Авфидий

Сенаторам сказать, что я вернулся.
Пускай они прочтут бумагу эту
И тотчас же пожалуют на площадь,
Где подтверждаю пред ними и народом
Я то, что написал. Вступает в город
Мной обвиненный человек. Он хочет,
Надеясь обелить себя словами,
С народом говорить. Поторопитесь.

Свита уходит.

Входят три или четыре заговорщика из партии Авфидия.

Привет.

Первый заговорщик

Как поживаешь, вождь?

Авфидий

Как тот,
Кто подавным собственным отравлен,
Кого свое ж великодушье губит.

Второй заговорщик

Вождь, если ты не изменил решений,
Содействовать которым нас просил,
Мы от опасности тебя избавим.

Авфидий

Сперва узнайте, за кого народ.

Третий заговорщик

Раз можно выбирать ему меж вами,
Он будет колебаться, выжидая,
Чтоб пал один из вас и все наследство —
К другому отошло.

Авфидий

Я знаю это.
Настало время нанести удар.
Я Марция возвысил. Поручился
Я честью за него, а он, окрепнув,
Росою лести всходы новой славы
Стал поливать, друзей моих прельщая.

Он даже обуздал для этой цели
Свой нрав, когда-то столь неукротимый,
Упорный и суровый.

Третий заговорщик

А ведь прежде
Он из упрямства консульство утратил.

Авфидий

Об этом я как раз и говорю.
Изгнанником он в дом ко мне явился
И горло моему ножу подставил.
Его я принял, разделил с ним власть,
Ему во всем оказывал поддержку,
Дал выбрать лучших из моих бойцов
Для исполнения замыслов его
И сам пошел служить ему в надежде,
Что славу вместе с ним пожну, а он
Ее присвоил. Я гордился даже
Тем, что собою жертвовать умею,
Пока не понял, кто я для него —
Не сотоварищ, а слуга, наемник,
Которому он милостивым взглядом
За помощь платит.

Первый заговорщик

Это правда, вождь.
Дивилось войско твоему терпенью.
В конце концов, когда к воротам Рима
Он подступил, и мы не только славы,
Но и добычи ждали...

Авфидий

Вот за это
Как раз я и обрушусь на него.

За каплю женских слез, как ложь дешевых,
Труды и кровь великого похода
Он продал, а поэтому умрет
И вознесет меня своим паденьем.
Вот, слышите?

За сценой звук, барабанов, труб и клики народа.

Первый заговорщик

Ты, как простой гонец,
В свой город незамеченным вернулся.
А Марция встречает гром приветствий.

Второй заговорщик

И многотерпеливые глупцы
Надсаживают глотки в честь того,
Кто убивал их сыновей.

Третий заговорщик

Итак,
Пока еще он не склонил народ
На сторону свою искусной речью,
Берись за меч, а мы тебе поможем.
Пусть он сперва падет, а уж потом
По-своему ты дело истолкуешь
И в гроб все оправдания мертвеца
Уложишь вместе с ним.

Авфидий

Ни слова больше.
Сенаторы идут!

Входят сенаторы.

Сенаторы

Привет тебе!

Авфидий

Его не заслужил я.
Прочли ли вы мое посланье к вам,
Почтенные отцы?

Сенаторы

Прочли.

Первый сенатор

С прискорбием.
За прежние проступки извинить
Его нетрудно, но закончить там,
Где надо было начинать, утратить
Плоды похода тяжкого, оставить
В награду нам одни издержки наши,
Пойти на мир с врагом, готовым сдаться, —
Такое оправдать уже нельзя!

Авфидий

Да вот и он. Послушаем, что скажет.

*Входит **Кориолан** с барабанами и знаменами, за ним толпа горожан.*

Кориолан

Привет, отцы! Ваш воин возвратился,
К отечеству любовью зараженный
Не более, чем в первый день похода,
И, как и прежде, вам покорный. — Знайте,
Что, вашу волю выполнив с успехом,
Путем кровавым я к воротам Рима
Привел войска. На треть добыча наша

Военные расходы превышает.
Мы с римлянами заключили мир,
Для них позорный и для вольсков славный.
Вот договор, сенатскою печатью
Скрепленный и подписанный рукою
Патрициев и консулов.

Авфидий

Отцы,
Его вы не читайте, а скажите
Изменнику, что властью, вами данной,
Он злоупотребил.

Кориолан

Что? Я — изменник?

Авфидий

Да, Марций, ты изменник.

Кориолан

Марций? Я?

Авфидий

А кто же ты, Кай Марций? Неужели
Ты полагал, что я тебя украшу
Почетным прозвищем Кориолана,
Украденным тобою в Кориолах? —
Отцы народа, главы государства,
Он вероломно предал ваше дело
И матери с женою уступил
Ваш Рим (да, ваш!) за каплю слез соленых.
Он не созвал военного совета,
Но клятву, как гнилую нить, дорвав,
Слезам своей кормилицы поддался.

Победу он прохныкал и проплакал,
Чем изумил мужей и в стыд вогнал
Юнцов безусых.

Кориолан

Марс, ты это слышишь?

Авфидий

Тебе ль к нему взывать, плаксивый мальчик?

Кориолан

Что? Повтори!

Авфидий

Ты плакса и мальчишка!

Кориолан

Бесстыдный лжец, ты гневом переполнил
Мне сердце. Я мальчишка? Ах ты раб! —
Отцы, простите. Вынужден впервые
Я так браниться. Пусть собаку эту
Ваш суд, отцы, изобличит во лжи,
Чтобы клеветнику, чье тело будет
Носить до смерти след моих ударов,
Его признание вбило в глотку ложь.

Первый сенатор

Молчите оба! Слушайте меня!

Кориолан

Меня рубите, вольски, на куски!
Мужи и юноши, мечи омойте

В моей крови! Мальчишка! Лживый пес!
Коль летописи ваши пишут правду,
То вы прочтете там, что в Кориолы
Я вторгся, как орел на голубятню,
Гоня перед собой дружины ваши.
Я это совершил один. Мальчишка!

Авфидий

Как можете вы позволять, отцы,
Чтобы хвастун безбожный перед вами
Превозносил свое слепое счастье
И ваш позор?

Заговорщики

Убить его за это!

Горожане

Разорвать его на части! — Чего там ждать! — Он убил моего сына! —
Мою дочь! — Моего брата Марка! — Моего отца!

Второй сенатор

Молчать! Не оскорблять его! Молчать!
Он знаменит. Молва о нем идет
По всей земле. Обсудим беспристрастно
Его последнюю вину пред нами.
Авфидий, перестань. Не подстрекай
К самоуправству.

Кориолан

О, как я хотел бы,
Чтоб семь таких Авфидиев, как он,
И весь их род пришли отведасть этой
Безгрешной стали!

Авфидий

Негодяй! Наглец!

Заговорщики

Убить его, убить! Убить!

*Заговорщики обнажают мечи, бросаются на **Кориолана** и убивают его. **Авфидий** наступает ногой на труп.*

Сенаторы

Стой, стой!

Авфидий

Отцы, позвольте мне сказать...

Первый сенатор

О Тулл!..

Второй сенатор

Поступок твой заставит доблесть плакать.

Третий сенатор

Не попирай его ногой! — Молчать!
Вложить мечи в ножны!

Авфидий

Почтенные отцы, когда известна
Вам станет та великая опасность,
Которой вам грозила жизнь его
И о которой, разъярив меня,
Он помешал мне рассказать вам раньше,

Порадуютесь вы концу такому.
Прошу, отцы, в сенат меня ведите,
Где я иль оправдаюсь, доказав,
Что я слуга ваш верный, иль приму
Любую кару.

Первый сенатор

Унесите тело.
Оплачем Марция. Еще ни разу
Глашатаи не провожали к урне
Столь благородный труп.

Второй сенатор

Он был строптив,
А этим и с Авфидия отчасти
Снимается вина. Быть может, лучше,
Что все сложилось так.

Авфидий

Мой гнев прошел.
Я скорбью потрясен. — Пусть труп его
Три лучшие вождя со мной поднимут. —
Греми сильней, печальный барабан!
Склонитесь до земли, стальные копья!
Хоть он и отнял в наших Кориолах
Мужей и сыновей у многих женщин,
Чьи щеки до сих пор от слез влажны,
Почтить мы память славную должны. —
Берите труп!

*Уходят с телом Кориолана.
Похоронный марш.*

«КОРИОЛАН»

При жизни Шекспира «Кориолан» в печати не появлялся. Первая публикация была уже посмертной в фолио 1623 г., где пьеса открывает раздел трагедий. Сравнительно многочисленные ремарки, указывающие, как надлежит представить на сцене отдельные моменты действия, по мнению Э.К.Чемберса и У.У.Грега, свидетельствуют о том, что текст фолио печатался по авторской рукописи. «Кориолан» — одна из немногих трагедий, в которых последовательно проведено деление на акты (но не на сцены). Однако невозможно определить, кем это было сделано — самим ли Шекспиром или редакторами фолио.

Никаких фактических данных для датировки трагедии не сохранилось. Никто из современников не упоминает ее, нет и сведений о постановке ее на сцене, поэтому время создания устанавливается на основе показаний стиля и метрики стиха, а эти последние заставляют предположить, что трагедия была написана после «Антония и Клеопатры» и до «Перикла». С тех пор как началось установление хронологии пьес Шекспира, исследователи единодушно относили «Кориолана» к числу последних трагедий драматурга. Э.К.Чемберс предполагает, что «Кориолан» был создан в самом начале 1608 г.

Источником сюжета послужила биография Кориолана в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха. Шекспир читал эту книгу в переводе на английский язык, сделанном Томасом Портом. Как и в других подобных случаях, он в основном следовал повествованию историка, лишь укорачивая интервалы между отдельными событиями и опуская факты второстепенного значения. Этим он стремился придать динамичность драматическому действию. Наиболее существенные изменения, произведенные Шекспиром, касаются характера главного героя. Кай Марций, за завоевание города Кориолы прозванный Кориоланом, представлен у Плутарха грубым воином, человеком необщительным, не имевшим друзей. У Шекспира Кориолан окружен друзьями, пользуется горячим расположением близких, уважением и поддержкой сограждан, за исключением народных трибунов, ненавидящих его. Шекспир усилил ряд черт, делающих Кориолана привлекательной личностью. У него он даже более храбр, чем у Плутарха. Если историк рассказывает, что герой ворвался в Кориолы в сопровождении лишь горсточки друзей, то у Шекспира он совершает свой подвиг единолично. Плутарху Шекспир

обязан эпизодом, показывающим доброту Кориолана: после захвата Кориол он просит за одного из граждан города, взятых в плен, но Шекспир и тут кое-что изменил. Историк говорит, что Кориолан ходатайствовал за своего друга, к тому же богатого человека; у Шекспира Кориолан просит за человека, который ему вовсе не друг и притом совсем не богат. Все это завершается выразительной деталью, которой мы не находим у Плутарха, — ее придумал Шекспир, и она типична для Кориолана: когда его спрашивают имя человека, за которого он ходатайствует, Кориолан отвечает, что не помнит, как того зовут.

В рассказе Плутарха Кориолан выведен человеком сдержанным в проявлении чувств, умеющим владеть собой — словом, это суровый, замкнутый римлянин. Шекспир наделил героя неукротимостью нрава, неспособностью сдерживать гнев, неумением дипломатничать. Он порывист, гнев его легко вспыхивает, и тогда уже он не знает удержу ни в своих поступках, ни в речах, равно раскрывающих его пламенную натуру. Шекспировский Кориолан — героическая личность более крупного масштаба, чем у Плутарха. Но в такой же мере, в какой Шекспир усилил его благородное мужество, подчеркнул он и его доходящую до крайности враждебность по отношению к народу.

Шекспир сделал все возможное, чтобы углубить антагонизм между героем и народом. Посредством отдельных штрихов он сделал более выразительной неустойчивость мнений толпы, ее ожесточение против Кориолана и вообще богатых патрициев.

По сравнению с Плутархом в драме Шекспира углублена роль матери Кориолана Волумнии. Гордая римская матрона напоминает своей суровой мужественностью королеву Маргариту из ранних хроник о Генрихе VI, а также леди Макбет. Но эта римская волчица наделена и хитростью лисы, что проявляется в ее уговорах Кориолана внешне смириться, пока он не получил еще в руки полноту власти.

По сравнению с Плутархом более выразительно раскрыт в драме и образ Авфидия. Характер Менения Агриппы — чисто шекспировский; вспоминая «Троила и Крессида», можно сказать, что он представляет собой помесь Улисса с Пандаром. Образ Виргилии, любящей жены Кориолана, обрисован с такой же скупостью, как образ Октавии («Антоний и Клеопатра»), но и в немногих чертах, которыми она наделена, угадывается весь ее характер терпеливой и преданной жены.

Наконец, нельзя не поразиться мастерству, с каким Шекспир изобразил массовый персонаж драмы — римский народ. Начиная со второй части «Генриха VI», Шекспир не раз выводил народ на сцену. Мы видели, в

частности, какую большую роль играл римский плебс в трагическом конфликте «Юлия Цезаря». Но там главный антагонизм был между двумя группами патрициата, тогда как в «Кориолане» центральный конфликт сводится к антагонизму между народом и патрициями.

Это обстоятельство уже с давних пор дало основание видеть в трагедии произведение откровенно политическое. И действительно, нигде у Шекспира основной социальный антагонизм между господствующей верхушкой общества и народом не представлен так полно и ясно, как в «Кориолане». В прочих драмах Шекспира это было одной из тем в ряду других. Там подобный антагонизм служил фоном главного действия. Здесь — это сердцевина конфликта, центральная тема трагедии. Поэтому нет ничего удивительного в том, что критика давно уже признала «Кориолана» произведением, особенно существенным для определения политических взглядов Шекспира. Давнишней является также традиция рассматривать «Кориолана» как выражение антидемократизма Шекспира.

Критика последних десятилетий как на Западе, так и у нас обнаруживает иную тенденцию. Прежде всего она отказывается от прямолинейного и несколько наивного отождествления Шекспира с его трагическими героями. Все более утверждается взгляд на трагедии Шекспира как на произведения реалистические и объективные по характеру. Точку зрения Шекспира ищут не в отдельных высказываниях тех или иных персонажей, а в логике драматического действия, взятого в целом. Такой подход открывает возможность более глубокого раскрытия смысла трагедии и более точного определения позиции драматурга.

Необходимо со всей решительностью сказать, что марксистское шекспироведение отнюдь не считает обязательным доказывать, что Шекспир по своим личным взглядам был сторонником демократии. С нашей точки зрения, безусловно, что великий драматург был писателем подлинно народным. Однако история мировой литературы знает много примеров несовпадения между объективной народностью творчества писателей и их субъективными политическими взглядами, предрассудками и иллюзиями. Классическим примером этого в литературе нового времени является Бальзак. Ф. Энгельс (в известном письме к М. Гаркнесс) показал, что, будучи легитимистом, т. е. сторонником феодальной монархии, Бальзак тем не менее со всей силой реализма изобразил обреченность аристократии и увидел «людей будущего» в ненавистных ему левых республиканцах.

Все произведения Шекспира, в которых он сколько-нибудь серьезно касался социально-политических вопросов, свидетельствуют о том, что он разделял политическую доктрину гуманизма. Ее кардинальное отличие от

феодалной идеологии состояло в утверждении принципа общего блага. Социальная теория феодального строя начисто игнорировала интересы народной массы, она освящала крепостническую эксплуатацию. Гуманисты признавали за каждым человеком, независимо от сословной принадлежности, право на его долю земных благ. Они по-своему возродили римское понятие «*res publica*» как принципа «общего блага». Государство мыслилось ими как сложное единство всех сословий, каждое из которых выполняет свою функцию в обществе. Именно такой идеал сословной монархии рисует в «Генрихе V» архиепископ Кентерберийский (1, 2).

Но забота о народном благе ни у Шекспира, ни у подавляющего большинства гуманистов не переросла в признание народовластия. Всякий раз, когда Шекспир изображает попытки парода править государством, он обнаруживает свое недоверие к демократии как форме политического строя. Но, признав этот факт, мы сказали только половину правды. В такой же мере, в какой Шекспир осуждает политические притязания народной массы, отвергает он и эгоистическое своеволие представителей правящего аристократического сословия. Власть существует не для удовлетворения потребностей тех, кто ее держит в своих руках, не для удовлетворения эгоистических интересов правящей верхушки, а для всего общества, всех его сословий и государства в целом.

Таков был политический идеал Шекспира-гуманиста. Однако Шекспир был не только гуманистом, но и реалистом. Величие его ума, политическая зоркость проявились в том, что он одним из первых увидел несоответствие между доктриной ренессансного гуманизма и политической действительностью абсолютистского государства.

Начало XVII в. было отмечено в Англии рядом политических событий, со всей ясностью обнаруживших кризис абсолютной монархии. В статье о «Гамлете» уже говорилось о неудачном дворянском путче Эссекса и народных волнениях по поводу монополий аристократов. Но брожение продолжалось и при новом короле Иакове I. В мае 1607 г. в графстве Нортгемптоншир вспыхнуло восстание крестьян, вызванное нехваткой хлеба и помещичьими огораживаниями земель. Неорганизованная и почти безоружная толпа была быстро разгромлена, и за этим последовали жесточайшие репрессии.

События 1607 г., по мнению современного исследователя Э. Петтета, послужили непосредственным поводом для создания «Кориолана». (Отметим в скобках, что это подтверждает независимо от этого принятую датировку трагедии.) Э. Петтет подметил, что объяснение недовольства народа в «Кориолане» дано Шекспиром не столько по Плутарху, сколько в

соответствии с современными драматургу английскими условиями. У Плутарха возмущение римлян имеет причиной грабительство ростовщиков и ту поддержку, которую им оказывает сенат. В трагедии Шекспира осталась только одна реплика, касающаяся ущерба, приносимого народу ростовщиками (I, 1). Это объяснялось отнюдь не желанием Шекспира «обелить» ростовщиков. Его отношение к ним ясно выражено в осуждении ростовщичества Шейлока («Венецианский купец»). Шекспир отстранил этот мотив, ибо он не был актуальным для того времени, когда создавался «Кориолан». В его трагедии недовольство народа вызвано голодом и высокими ценами на хлеб, иначе говоря, именно тем, что волновало массу английского народа в это время, У Плутарха тоже упоминается о недовольстве народа нехваткой хлеба, но у него это является второй причиной, тогда как Шекспир сделал голод главным поводом народных волнений.

Трагедия начинается с экономического кризиса, вызывающего кризис политический. Как ни странным может показаться применение нашей социологической терминологии к произведению Шекспира, но всякий, кто даст себе труд вдуматься в исходную ситуацию трагедии, убедится в том, что существо дела состоит именно в этом.

Нужда народа вызывает его недовольство властью. Народ хочет добиться того, чтобы власть исходила из его интересов. Плебеи ясно осознали, какая непроходимая грань разделяет их и «отцов государства» — патрициев. «Достойными нас никто не считает, — говорит первый горожанин в самом начале трагедии, — ведь все достояние — у наших патрициев. Мы бы прокормились даже тем, что им уже в глотку не лезет. Отдай они нам объедки со своего стола, пока те еще не протухли, мы и то сказали бы, что нам помогли по-человечески. Так нет — они полагают, что мы и без того им слишком дорого стоим. Наша худоба, наш нищенский вид — это вывеска их благоденствия» (1, 1).

Шекспир славится как великий сердцевед. Но как великий знаток социальной жизни и общественных отношений Шекспир еще не получил должного признания. О нем нередко все еще судят по старинке, как о сентиментальном филантропе, не замечая его изумительного социологического чутья и тонкого понимания политики. Именно это долго мешало постигнуть истинный смысл «Кориолана», где уже самый зачин действия вводит нас в атмосферу накаленных общественных страстей. Пьеса начинается с картины народного волнения, а мы знаем, как велико у Шекспира значение начала — здесь задается тон всему последующему действию.

Перед мятежной толпой граждан появляется аристократ Менений Агриппа. Пытаясь успокоить толпу, он взывает к ее рассудку и рассказывает знаменитую басню о частях тела, взбунтовавшихся против живота (I, 1). Исследовательница образной системы поэтического языка Шекспира К. Сперджен отмечает, что притча Менения Агриппы составляет основу системы образов в «Кориолане». Метафоры и сравнения с человеческим телом, его органами и болезнями составляют, по ее подсчетам, одну пятую поэтических образов трагедии. Король, государственный деятель, воин, конь, барабанщик уподобляются голове, глазу и сердцу, руке, ноге и языку. Одного из самых говорливых граждан Менений называет «большим пальцем на ноге» (I, 1). Трибунов Кориолан называет «горлом черни» (III, 1). Уподобление общества человеческому телу, а его отдельных сословий — органам и членам тела придумано не Шекспиром. Эта басня приводится у Плутарха и Тита Ливия. Она была широко известна в средние века и в эпоху Возрождения. Поставленная в один ряд с другими образными лейтмотивами трагедий Шекспира, она значительно уступает им в поэтичности. Это не случайность, не проявление безвкусицы Шекспира, а следствие авторского намерения придать действию особую атмосферу.

Критика справедливо отмечает, что в «Кориолане» нет той поэтической возвышенности, которая характерна для стиля других трагедий, созданных Шекспиром в эти годы. «Пошлая басня Менения Агриппы»¹⁵ придает прозаическую приниженность всей художественной композиции «Кориолана». Перед нами картина общественного организма, пораженного болезнью.

Внутренний конфликт в Римском государстве дополняется конфликтом внешним. Рим находится в постоянной вражде с племенем вольсков, и, таким образом, вражда сословий сочетается с враждой между народами. Каждый персонаж или группа персонажей раскрывается в своем отношении к этим двум конфликтам.

Едва ли где еще мы найдем у Шекспира такой полный прообраз всего классового общества с его вечными и неразрешимыми антагонизмами. Углубленное раскрытие их и составляет важнейшую сторону содержания трагедии. Окружение героя всегда занимает значительное место в трагедиях Шекспира. Но все же личности Гамлета, Отелло, Лира и Макбета доминируют над окружающим их миром. Кориолан тоже обладает значимостью, возвышающей его над остальными. Но изымите его фигуру из окружения, оставьте только его поступки и речи, и вы убедитесь, что сам по себе он не обладает для нас той внутренней наполненностью, которая

делает столь привлекательными или волнующими образы других трагических героев Шекспира. Как справедливо отмечает Х.Гренвиль-Баркер, характер Кориолана раскрывается перед нами не в своем внутреннем содержании, как это сделано Шекспиром в отношении других трагических героев, а в его внешних проявлениях. Вне конкретных ситуаций трагедии Кориолан не существует. Поэтому путь к постижению произведения лежит через рассмотрение развития сюжета и многообразных реакций всех основных участников конфликта. Если в других трагедиях мастерство Шекспира проявилось с особенной силой в грандиозных и бесконечно сложных характерах, созданных им, то в «Кориолане» его драматургический гений раскрывается в изумительно тонком и всестороннем изображении диалектики общественных отношений.

Оставив под конец рассмотрение образа Кориолана, остановимся сначала на других действующих силах трагедии.

Наше внимание привлекает прежде всего коллективный образ римского народа. Ошибки в толковании отношения Шекспира к народу в этой трагедии проистекали из того, что критики, как правило, судили о нем по бранным характеристикам, даваемым плебеям Кориоланом. Более верный путь — рассматривать этот коллективный персонаж в его собственных поступках и словесных изъяснениях. Как и в более ранних шекспировских произведениях, здесь нельзя не заметить того особого, присущего, пожалуй, только Шекспиру драматургического умения изображать толпу как некое единство, наделенное внутренним разнообразием. Поступки толпы едины, по мнения и суждения в ее среде разноречивы. Отсюда и возникает ощущение того, что перед нами не безликий хор, а живое людское многообразие.

Начальные эпизоды трагедии обнаруживают несомненную справедливость народного возмущения. Недовольство народа, вызвано не капризом, а тем, что самое существование плебеев находится под угрозой. Речи римских граждан показывают, чего они хотят: им нужен хлеб, без которого они не могут жить. Они отлично понимают свое низкое положение в обществе. Но не менее ясно для них и то, что они представляют собой силу, которая при определенных условиях может добиться удовлетворения своих требований. Перед нами не безропотная толпа рабов, а масса граждан, сознающих если не свои гражданские, то человеческие права.

Для того чтобы добиться своего, эта масса, именно потому что она многолика, нуждается в руководителях. Народ в «Кориолане» не бездумная толпа, движимая одним лишь слепым инстинктом — голодом. Плебеи

отлично разбираются в классовой морали, которой пропитана басня, рассказываемая Менением Агриппой. Еще в большей степени проявляется ум народа в оценке Кориолана. Его воинские доблести вызывают восхищение плебеев, и, будь он дружелюбен по отношению к ним, они не желали бы себе другого вождя.

Впервые у Шекспира в «Кориолане» народ требует уважения к себе. Он готов принять любых руководителей государства, но при одном условии — чтобы они признавали интересы народа и делали все возможное для удовлетворения их. Именно поэтому граждане признают своими руководителями трибунов Брута и Сициния. Эти последние все время подчеркивают свое стремление служить интересам народа.

Любопытно посмотреть, как изображает Шекспир отношение граждан к Риму. По сравнению с хрониками Шекспир сделал огромный шаг вперед в трактовке темы патриотизма. Там государство, родина были прекрасной и величественной абстракцией, окруженной поэтическим ореолом, — «алмаз в серебряной оправе океана» («Ричард II»). Здесь отношение к государству определяется тем, насколько оно действительно является родиной для человека, почвой, дающей ему жизнь и поддерживающей его жизнь. Не абстрактный патриотизм поддерживает римлян в их войнах с вольсками, а трезвое понимание того, что хотя они занимают низкое положение в государственной иерархии, но все же являются здесь свободными гражданами, тогда как победившие вольски превратят их в рабов. Можно, конечно, сказать, что патриотизм в «Кориолане» приобретает эгоистическую окраску, но именно в этом одно из проявлений реализма Шекспира в изображении общественных отношений. Мы увидим далее, что не только плебеи, но и патриции руководствуются в своем патриотизме сословными и классовыми интересами. В этом нельзя не увидеть новой для Шекспира (по сравнению с хрониками) черты его политического реализма. Однако при этом нельзя не заметить, что такое «потребительское», эгоистическое отношение к понятию родины явно ненавистно Шекспиру.

Ясное сознание своих интересов, стремление добиться того, чтобы государство удовлетворяло насущные потребности народа, — свидетельство того, что народ уже способен мыслить. Но нужда придает односторонний характер мышлению народа. Он может мыслить только о своих заботах.

Много говорилось о шаткости мнений толпы у Шекспира. Но мало замечали, что даже в своей переменчивости народ последователен: он всегда за тех и за то, что, как кажется толпе, соответствует ее интересам, Но глядящего далеко вперед политического разума у народа нет. Поэтому

на его интересах и стремлениях постоянно играют другие.

Народ предпочел бы иметь своим руководителем такого мужественного и прямодушного человека, как Кориолан. Но враждебность Кориолана толкает народ в объятия Брута и Сициния.

Об этих трибунах с XVIII в. в критике прочно установилось мнение как о демагогах. Начало такой оценке положил Семюэль Джонсон, всегда пристрастный в своих суждениях и видевший в Бруте и Сицинии прообразы ненавистных ему вигов. Мнение о них как политических демагогах основано на том, что, открыто выступая перед народом, они говорят как пламенные защитники интересов демократии, а наедине толкуют друг с другом как расчетливые политики и дипломаты, обдумывающие средства косвенного осуществления своих целей.

Это противоречие в поведении Брута и Сициния действительно есть. Но может ли оно быть поставлено им в упрек, если представители патрицианского лагеря проявляют не меньшую двойственность, прикрывая внешней благожелательностью к народу антинародную политику, как мы это видим в поведении Менения Агриппы? Современный шекспировед Джон Палмер первым — и, на наш взгляд, справедливо — указал, что Брута и Сициния следует рассматривать как вожakov демократического лагеря, действующих в сложных условиях. С одной стороны, они имеют перед собой могущественного и хитрого врага — патрициев, а с другой, сила, на которую они опираются, — народ — по-детски переменчив, и им нелегко руководить. Нигде и ни в чем не проявляется у них стремление использовать доверие народа во вред ему. А раз этого нет, то неверно смотреть на них как на демагогов. Они последовательны в своей борьбе против патрицианской власти, но цели они не могут достичь без применения хитрых тактических шагов. Однако если тактика их оппортунистична, то конечная цель — господство демократии — отнюдь не является для них обманым лозунгом.

Из сказанного ранее должно быть ясно, что Шекспир не мог сочувствовать политикам типа Брута и Сициния. Это видно и по тому, как он их изображает. Однако, если они не вызывают симпатий читателя или зрителя, это еще не означает, что изображение их у Шекспира было враждебно тенденциозным. Они не лучше политиков аристократического лагеря, но и не хуже их. Шекспир подчеркивает лишь то, что политики обоих лагерей исходят не из общегосударственных интересов, а из интересов своей социальной группы. Ему, гуманисту, мечтавшему о гармонии сословных интересов, это равно претило и у аристократов и у демократов. Но, может быть, именно потому, что Шекспир испытывал

антипатию к сложному хитросплетению эгоистических классовых и сословных интересов в обществе, он и сумел так глубоко увидеть политическую реальность своего времени.

Нам представляется верным замечание Гренвиля-Баркера, писавшего о том, что Шекспир занимает по отношению ко всем персонажам драмы позицию объективного, но сурового судьи. Он судит политическую жизнь как гуманист, но вместе с тем изумительно прозорлив в понимании реальной действительности.

Изображение аристократического лагеря у Шекспира выполнено не менее суровыми красками. Разница, пожалуй, лишь в том, что среди патрициев больше индивидуального разнообразия. Но, как и народ, все они движимы прежде всего отчетливым сознанием своих сословных интересов и яростно защищают свои привилегии.

Менений Агриппа отличается внешним добродушием. Он умеет поговорить с народом, представить себя доброжелательным, мудрым советчиком. Плебеи даже обманываются, считая его своим другом. Но все, что делает и говорит Менений, ясно обнаруживает в нем убежденного защитника привилегий аристократии. Он понимает, что народ представляет собой большую силу в обществе. Это вынуждает его снисходить до него, но в душе он презирает плебс и не видит ничего бесчестного в том, чтобы обмануть его. Менений искренне любит Кориолана. Он гордится им как живым воплощением добродетелей своего сословия, в его силе и несравненном мужестве он видит доказательство права аристократов на господство над чернью.

То же можно сказать и о Волумнии, матери Кориолана. Она гордая патрицианка, воспитавшая в сыне те качества победителя и владыки, которые должны дать ему моральное право на власть и господство над всеми остальными. Она самозабвенна в стремлении возвысить сына. Волумния готова подвергнуть жизнь Кориолана любой опасности, лишь бы он доказал свое превосходство как воин.

Видя, что народ представляет собой реальную политическую угрозу их господству, патриции противопоставляют силе массы посредственностей мощь выдающейся, необыкновенной личности. Кориолан своим мужеством, бескорыстием и славой спасителя Рима может восстановить пошатнувшееся могущество аристократии.

Но как раз силой этого нельзя сделать. Понимая это, все патриции требуют от Кориолана, чтобы он, смилив гордыню, пошел на необходимую уступку и испросил согласие народа. Поистине великолепно сцена спора Кориолана с Волумнией, Менением, Коминием и другими патрициями (III,

2). Аристократы поняли, что смогут удержать власть, лишь обманув народ. Они требуют от Кориолана притворного смирения, с тем чтобы, получив таким образом власть, затем подавить волю народа.

Те, кто столь охотно подчеркивал коварство тактики народных трибунов, должны были бы заметить, что и аристократы отнюдь не проявляют щепетильности в выборе средств. К каким только доводам и софизмам не прибегают Волумния и Менений, чтобы сломить упрямство Кориолана! Беспристрастное рассмотрение этого эпизода — одного из центральных в трагедии — убеждает в том, что в поведении патрициев нет ни грана истинного благородства.

Развитие событий в первой половине трагедии раскрывает неприглядную картину общества, раздираемого жесточайшими антагонизмами. Ни те, кто борется за справедливость, ни те, кто отстаивает несправедливые привилегии, не обнаруживают высоких моральных качеств. Великие человеческие идеалы оказываются в непримиримом противоречии с суровой борьбой эгоистических классовых и сословных интересов.

Не обнаруживаются моральные достоинства и в борьбе против врагов, грозящих Риму. Война с вольсками вызывает ужас. На поле сражения римляне бегут. Только личное мужество Кориолана (и отчасти Коминия) приносит спасение.

Глава вольсков Авфидий уступает Кориолану в воинских доблестях. Пять раз сходилась он с героем и неизменно оказывался побежденным. Но он не теряет надежды отомстить. Его оружием будет не сила, а хитрость. Таким образом, и в лице Авфидия мы видим человека, стремящегося к своим целям не прямым и честным путем, а дорогою обмана, — как римские патриции и трибуны. Обратимся теперь к Кориолану.

Уже было сказано, что он не герой того типа, какими были Гамлет и Отелло. Ближе всего он стоит, пожалуй, к Макбету. Сходство между ними в том, что оба — выдающиеся люди, утверждающие свое величие не в слиянии своих интересов с интересами других, а противопоставляя себя остальному обществу.

Кориолан — герой в самом точном смысле слова. Он возвышается над другими своим мужеством, силой, способностью побеждать врагов в открытом и честном бою. Но героическое начало в нем получило одностороннее развитие. В нем есть черты, унаследованные от рыцарских понятий героического. Но во сто крат в нем больше того ренессансного индивидуализма, который оборачивался своей антиобщественной стороной. И ни у одного из героев индивидуалистического склада из числа

изображенных Шекспиром антисоциальность не проявляется так ясно и разительно, как у Кориолана. Кориолана иногда хотят представить исключительно или преимущественно носителем старого традиционного отношения к жизни. Но этому противоречит весь облик Кориолана и, в частности, одно из его суждений, имеющее большое принципиальное значение.

Когда от Кориолана требуют, чтобы он подчинился обычаю, выпрашивая у народа утверждение в должности консула и показывая свои раны, все в нем возмущается именно против традиции:

«Да потому, что так велит обычай!
Но повинуйся мы ему во всем,
Никто не стал бы пыль веков стирать
И горы заблуждений под собою
Похоронили б истину» (II, 3).

Будь Кориолан приверженцем традиционных устоев, он подчинился бы этому унижительному обычаю, не придавая ему никакого значения. Но в том-то и дело, что Кориолан — личность, восстающая против всех обычаев, и в том числе традиционного избирательного ритуала. Он желает, чтобы ценили его, его самого, и чтобы общество склонялось перед его доблестями независимо от каких бы то ни было традиций.

Пресловутая гордость Кориолана — не аристократическое чванство своим титулом и наследственными привилегиями. Это гордость человека, который добился всего суровой дисциплиной самовоспитания, постоянным риском. Он требует уважения к своим личным качествам. Толпу он презирает не столько как аристократ по званию, сколько как аристократ духа. Ему, способному на борьбу, в которой ставкой является жизнь, кажутся низменными претензии бедняков, то вымаливающих, то требующих хлеба. Он гнушается этих ничтожеств, из которых ни один не обладает его воинскими доблестями. Жалкие в мирное время, они еще отвратительнее ему в суровых условиях войны. Брань, которой он осыпает трусивших и бросившихся в бегство — воинов, а ведь они тоже народ, — ничем не уступает тем гневным речам, которые он обрушивает на толпы граждан в Риме.

Кориолан презирает народ за его заботу о своих нуждах, которая представляется ему проявлением корыстолюбия. Ему самому никакие богатства не нужны. Он отказывается от своей доли военной добычи (1, 9).

Как Лир, он жаждет человеческого величия, не прикрытого никакими внешними атрибутами. Он сам, его личные достоинства — вот основа его прав на всеобщее преклонение и на власть.

Безразличие к материальным интересам отличает Кориолана и от народа, и от близкой ему среды патрициев. В противовес окружающему обществу, проникнутому духом стяжательства, преданному заботам о своем материальном благополучии, Кориолан в некотором роде идеалист. В его глазах действительную цену имеют только духовные качества — сила духа, храбрость, мужество, нравственная стойкость.

С этим связана другая сторона его натуры — принципиальность. И народу, и трибунам, и патрициям он противостоит как единственный в Риме человек, который прямодушен, откровенен, органически неспособен на обман и хитрость. Он просто не понимает, зачем нужно притворяться, быть не таким, каков он есть, когда его гордость составляет именно то, что он такой, а не иной человек. Ему всегда хочется быть самым собой. Его величайшее человеческое завоевание — то, каким он стал, а его заставляют отказаться именно от того, что он ценит в себе больше всего. В этом основа его конфликта не только с народом, но и с собственным классом, с ближайшими ему людьми, одним словом, со всем обществом.

Такова важнейшая социальная сторона трагедии, на которую, как нам представляется, не обращали должного внимания. Именно в этом пункте трагедия Кориолана смыкается с другими великими трагедиями, в которых Шекспир изобразил, как родилось самосознание личности и как гуманистический идеал ее подвергся ломке, искажению под влиянием социальных противоречий рождающегося буржуазного общества.

Гений Шекспира проявил себя в том, что под поверхностью значительного политического конфликта он обнаружил глубочайшее социальное противоречие классового общества — антагонизм между материальными и духовными стремлениями человека, противоречие между обществом и личностью.

Но пока мы коснулись только одной стороны этих противоречий, а именно той, в силу которой Кориолан является не только формально героем трагедии, но и подлинно героической личностью. Однако в его характере есть и черты, вступающие в противоречие с личным началом в его высочайшем идеальном выражении.

Личность Кориолана получила одностороннее развитие. Во-первых, высокое понятие о достоинстве человека ограничено у Кориолана только мужественными доблестями. Они с Гамлетом не поняли бы друг друга, потому что Кориолан, строго говоря, лишен интеллектуальности. Гордость

самим собой стала его слепой страстью. Он способен рассуждать только применительно к непосредственно данной ситуации. У него нет гамлетовской способности мысленно «глядеть и вперед и вспять», нет и воображения Макбета, заранее предчувствовавшего весь ужас того, что ему придется пережить.

Вторая особенность Кориолана — его сосредоточенность на собственной личности. Он «эготист» в том смысле, в каком Тургенев (неверно, на наш взгляд) применил это слово к Гамлету. В мире для него важно только его «я». Оно для него выше всех его личных и общественных связей. Самосознание личности доходит до полного противопоставления своего «я» всему обществу. Это противоречие глубоко волновало Шекспира-гуманиста. Он не склонен был ограничиваться установлением тех объективных обстоятельств, которые обусловили этот конфликт. Глубокая этическая основа шекспировских трагедий состояла в том, что и сама личность была повинна в этом и потому должна была нести за свою трагическую вину ответственность.

Поворотный пункт трагедии — сцена на Форуме (III, 3). Кориолан поддался уговорам Волумнии и Менения. Он вышел к толпе, готовый унизиться до просьб и терпеливо выслушать общественное порицание его недостатков. Дело трибунов почти проиграно. Еще мгновение — и власть окажется в руках Кориолана, который, как они верно предвидят, будет пользоваться ею с непреклонностью тирана. В стремлении к тиранической власти его и обвиняет Сициний. Но Кориолан стерпел бы и это, если бы не одно слово, вонзающееся в его сознание ядовитой стрелой. Сициний называет его «изменником народу» (III, 3). Удар был направлен метко. Кориолан мгновенно сбрасывает несвойственную ему личину смирения и раздражается потоком ругательств по адресу народа и трибунов. Это решает его судьбу: римляне изгоняют Кориолана. Он и сам не хочет оставаться здесь, где всех его заслуг перед государством оказалось недостаточно, чтобы иметь право быть самим собой.

С этого момента действие становится трагическим. Обнаруживается не только трагическое положение героя, но и трагедия всего римского общества. Сначала только близкие ощущают горе разлуки с Кориоланом. Но уже вскоре осознают трагизм своего положения и все остальные.

Корни трагизма в том всеобщем разладе, который мы видели с самого начала действия, но непосредственным толчком к взрыву является изгнание Кориолана и следующий за этим его переход на сторону вольсков.

Если борьба в Риме происходила на наших глазах и мы видели, как созревал конфликт, то измена Кориолана оказывается внезапной и мы не

имеем возможности судить о том, что происходило в его душе, когда он принял роковое решение. Прощаясь с родными и друзьями (IV, 1), Кориолан еще сам не знает, что будет делать. Он лишь обещает остаться самим собой. Но уже в IV, 4 мы его видим в Анциуме и слышим признание: Рим он возненавидел, а город врагов стал ему мил.

На этом этапе действия обнаруживается самое крайнее последствие индивидуализма Кориолана. Его вера в себя, свою самооценку, доводящая его до измены родине, — свидетельство того последнего предела, до которого дошел распад всех естественных и общественных связей между людьми.

Начиная с первой части «Генриха VI», Шекспир не раз изображал акты измены (в данной хронике — герцога Бургундского). Всюду она была свидетельством низменности тех, кто ее совершал. Побудительными мотивами была мелкая корысть, самозащита и т. п. Здесь же мы имеем случай измены из принципа, по убеждению. Кориолан не мелкий предатель, не жалкий трус, даже в своей измене он остается по-своему мужественным и величественным, как это можно видеть в сцене его объяснения с Авфидием (IV, 5). Как ни парадоксально это прозвучит, но, даже совершая измену, Кориолан остается прямодушным.

Его чистая жажда мести нуждается в реальной поддержке вольсков. Для Кориолана они и их вождь Авфидий были неким абстрактным воплощением силы, враждебной Риму. Он и хочет использовать ее для своей мести. Однако и лагерь вольсков заражен язвой своекорыстия, которая так возмущала Кориолана в Риме. Кориолан думает, что вольски будут орудием его мести, а Авфидий рассчитывает, что орудием ему послужит Кориолан. При этом Авфидий не просто отдельное лицо. За ним стоит государство, общество, такое же внутренне противоречивое, как Рим. У вольсков есть свой плебс и своя аристократия. Одной короткой сценой Шекспир дает нам почувствовать это — в конце IV, 5, когда после сговора Кориолана с Авфидием слуги обмениваются полушутливыми, полусерьезными замечаниями по поводу предстоящего похода на Рим. И у вольсков, как у римлян, мирное время совсем не характеризуется гражданским миром. Недаром первый слуга в конце беседы говорит о том, что в мирное время «люди и ненавидят друг друга». А третий слуга объясняет, почему это происходит: «Потому что в мирное время они не так друг другу нужны».

«Они не так друг другу нужны!» Эти слова могли бы послужить эпиграфом ко всей трагедии, показывающей все большее обособление между сословиями общества и отдельными индивидами. И если еще

остается для них необходимость какой-то связи, то парадоксальным образом она возникает тогда, когда возгорается костер вражды и человекоубийства — во время войны.

О беседе слуг Авфидия надо сказать еще и в другой связи. Джон Палмер справедливо подчеркнул, что она в цепи других доказательств служит важным звеном для опровержения преднамеренного антидемократизма Шекспира. Устами этих людей из народа глаголет истина. Они верно судят о своем господине и его новом союзнике, но еще вернее приведенные нами суждения о том, что в обществе, раздираемом внутренними антагонизмами, единственной реальной связью, объединяющей людей перед лицом одинаково страшной для них опасности, стала война — совместное человекоубийство.

Теперь обратимся к цепи трагических событий, обусловленных изгнанием Кориолана и его переходом на сторону вольсков. Никто еще не гибнет, но дух трагедии осеняет всех ее участников. Трагизм проявляется не во внешне ужасном, ибо, как известно, никто не умирает, и «Кориолан» не драма, венчающаяся горой трупов, как «Гамлет» или «Король Лир». Трагическое оборачивается здесь той причудливой иронией, с какой все предшествующие действия людей, совершенные ими для своего блага, приводят к противоположному результату.

Прежде других это испытывают на себе трибуны Брут и Сициний. Когда становится известно, что Кориолан во главе армии вольсков идет на Рим, Коминий и Менений Агриппа винят в этом их, и трибунам нечего возразить. Добившись изгнания Кориолана, они хотели спасти Рим от тирании, но создали угрозу самому существованию Рима,

Патрициям тоже не приходится злорадствовать. Опасность грозит им в не меньшей степени, чем плебейам. Явившемуся для переговоров с ним Коминию Кориолан заявил, что его гнев обрушится на всех без разбора. Он прогоняет и Менения Агриппу, когда тот приходит к нему с просьбой пощадить римлян (V, 2).

Наступает решающий момент. Кориолана, подступившего с войсками к стенам Рима, встречают мать, жена и сын. Нет нужды напоминать читателю эту великолепную по драматизму сцену, стоящую в одном ряду с вершинными эпизодами других трагедий Шекспира. Трагическая ирония проявляется здесь в том, что Волумния, годами воспитывавшая в своем сыне непреклонность, видит, как это оборачивается против нее же, против Рима, которому она растила героя и вождя. Как известно, ей удается переломить Кориолана. Но этим она в конечном счете губит его. Так все, чему посвятила свою жизнь Волумния, оказалось бесплодным, ибо, вложив

в Кориолана мужество, она не наделила его человечностью. А когда в последний миг она воззвала к его чувству человечности, то это и погубило вконец Кориолана.

Кориолан отнюдь не был настолько наивен, чтобы не понимать морального смысла своего перехода на сторону вольсков. Мнение других, однако, было ему безразлично, поскольку, как ему казалось, он всегда оставался самим собой. Чего Кориолан не понимал, это то, что человек не только таков, каков он сам по себе, но и то, каков он в своем отношении к обществу, в котором живет. Трагедия Кориолана в том, что он не стал своим нигде — ни в Риме, ни среди вольсков. Он не желал считаться с обществом, и оно мстило ему. Римляне изгнали его, а вольски убили.

Трагическая неизбежность гибели Кориолана обусловлена не только его характером. Если Шекспир с предельной наглядностью показал антисоциальность индивидуализма Кориолана, то не менее очевидно в трагедии и то, что общество, с которым герой не ужился, тоже повинно в происшедшей трагедии. Эту диалектику трагического в «Кориолане» не всегда замечают, сводя смысл произведения к одной из альтернатив. Между тем суть дела состоит именно в непримиримости антагонизмов, рождаемых расчленением человечества на сословия и классы, на толпу и индивидов. Выхода из этих противоречий Шекспир не видит. Но в его эпоху не это стояло на очереди дня. Если наше время ознаменовалось крайним развитием всех общественных антагонизмов и это подвело передовые слои общества к решению их, то Шекспир жил тогда, когда эти антагонизмы зарождались. Его величие в том, что он, как художник, одним из первых открыл их.

«Кориолан» не завершается моралью, которая позволила бы сделать непосредственные выводы. Последнее, что мы видим на сцене, — расправа вольсков над Кориоланом. Здесь сводятся счета, которые у Авфидия были с вольсками. Его положение было тяжелым, ибо он не смог защитить страну в многочисленных войнах с Римом. Не добился он победы и тогда, когда сделал ставку на месть Кориолана римлянам. Только убийство Кориолана примиряет вольсков с Авфидием. И Рим тоже обеспечил себе дальнейшее существование ценою жизни изгнанного Кориолана.

Все остается так, как было. Ни одно из противоречий, породивших трагедию, не уничтожено. Хотя наступил мир, но мы знаем, что это то «мирное время», когда «люди не так друг другу нужны».

С глаз Шекспира спала пелена. Он не верит теперь в иллюзорную гармонию общества. Но все изображенное им было освещено для него трагическим светом именно потому, что великий гуманист сохранял

уверенность в необходимости гармонических отношений между людьми.
А. Аникст

notes

Действующие лица. — Кай Марций Кориолан (годы рождения и смерти неизвестны) — римский полководец, о жизни которого сохранились полулегендарные предания. Неясно, принимал ли он участие в конфликте между патрициями и плебеями в 495 г. до н. э. Он был еще юношей, когда отличился в 493 г. до н. э. при взятии Кориол. Изгнание его и предпринятая им месть Риму произошли в 491 г. до н. э. Относительно того, что последовало после его решения пощадить Рим, сведения расходятся. По одной версии, разгневанные вольски убили его, по другой — он дожил в изгнании до глубокой старости.

Не забудьте, что соки я по рекам кровяным шлю к сердцу во дворец и к трону мозга... — Истинный механизм кровообращения был объяснен лет через десять после возникновения «Кориолана» Гарвеем. До тех же пор на этот счет существовали весьма фантастические представления.

Рисовался таким, как ты, в мечтах Катону воин... — Плутарх сообщает, что Катон-старший требовал от воина не только силы и храбрости, но и громкого голоса и грозного вида, которые наводили бы ужас на врагов. Шекспир допускает здесь анахронизм: Катон жил в III-II вв. до н. э., то есть на три столетия позднее времен Кориолана.

...тряпки, которые палач зарыл бы в землю с тем, кто носил их. —
Одежда казненного переходила в собственность палача.

Будь ты Гектор, сей бич для вас, его бахвалы внуки... —
Существовало легендарное представление, что римляне были потомками троянцев. Для трусливых римлян доблестный предок является вопиющим укором, «бичом».

...не дурак выпить кубок подогретого вина, не разбавленного ни единой каплей тибрской воды. — Здесь соединены вместе два обычая — древнеримский и английский. Римляне разбавляли вино водой, англичане любили подогретое чистое вино.

Зачем прошу я, стоя здесь в лохмотьях, у Дика с Хобом голосов ненужных? — Дик — уменьшительная форма имени Ричард, Хоб — имени Роберт. Введение английских имен (для обозначения лиц низших сословий) в пьесах, действие которых происходит в другой стране, у Шекспира встречается довольно часто.

...называла скотами грубошерстными... — Это можно понять двояко:
1) грязными, грубыми, как скот; 2) одетыми в отличие от воинов, в грубую шерстяную одежду.

...с не покрытой головой в собраниях зевать... — Привилегией знатных лиц было при любых обстоятельствах не снимать головного убора.

Ты граждан опросил по трибам? — Плутарх поясняет, что голосование по трибам (территориально-административное подразделение римского народа), а не по центуриям (подразделение военного характера) обеспечивало перевес беднякам.

Знай, Марс... — Авфидий называет Кориолана именем бога войны Марса в знак уважения к подвигам своего бывшего противника.

И Рим он схватит, как морской орел рыбешку, которая сама к тому всплывает, в ком видит прирожденного владыку. — Существовало поверье, что морской орел одной лишь силой своего «благородства» заставляет рыб из инстинкта покорности подниматься на поверхность моря, где затем он хватает их.

...поскольку связан клятвой, данной вольскам. — Перевод этого места, очень неясного в подлиннике и, может быть, испорченного, гадателен. Возможен другой перевод его: «...и заставил меня дать клятву, что я подчинюсь его условиям».

...словно статуя Александра. — Снова анахронизм: Александр Македонский жил через полтора столетия после Кориолана.

«К.Маркс, Капитал, т. 1, 1955, стр. 368.»

А.Смирнов